А. Гаврилов

В преддверии новой жизни

По инициативе молодых прозаиков, поэтов и критиков Москвы в издательстве «Московский рабочий» создана и действует общественная редколлегия серии «Анонс». Все рукописи для будущих книг отбираются путем конкурса, лауреатом которого стал и сборник Анатолия Гаврилова «В преддверии новой жизни».

Серия: Анонс

А.Гаврилов

В преддверии новой жизни

Московский рабочий
1990

ББК 84Р7—4
Г12

Ответственный за выпуск
ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

Гаврилов А. Н.

Г12 В преддверии новой жизни.— М.: Моск. рабочий, 1990.—72 с.— («Анонс»).

«В преддверии новой жизни» — первая книга Анатолия Гаврилова. Персонажи рассказов автора живут безрадостно, сознание этих людей осколочно и тупиково, мечты тщеславны, сны и грезы эйфоричны. А. Гаврилов не просто исследует характеры и судьбы, но с иронией и сарказмом обнажает всю тщетность мещанско-обывательского мировоззрения.

Г $\frac{4702010201-178}{М172(03)-90}$ Без объявл. **ББК 84Р7—4**

ISBN 5—239—00988—0

Роза

Глухие, болотистые леса, осенняя ночь, левое крыло казармы, отдельная комната вольнонаемной поварихи Розы из деревни Глыбоч.

Голые стены, высокий потолок, мутный кривой плафон.

Окно плотно зашторено, дверь заперта на ключ и защелку.

Последние осенние цветы в баночке из-под майонеза.

В комнате холодно — еще не топят.

Роза в кримпленовом платье и капроновых чулках, укрывшись пальто, лежит на койке.

За день на кухне она устала, но почему-то не спится.

Почему-то страшно, и поэтому она не выключает свет.

Здесь она недавно, а до этого работала в своем Глыбоче на ферме.

Единственная подруга в конце августа навсегда уехала в город.

Порывалась и Роза уехать, но как-то не решилась. Может, из-за внешности...

Вот недавно сюда устроилась, в воинскую часть.

Вдруг повезет...

Хотя надежды, конечно, очень и очень мало, почти никакой...

Роза лежит и думает о своем Глыбоче. Это недалеко, в десяти километрах отсюда. Там сейчас сырая осенняя тьма, только окошки светятся. Почти всегда к вечеру

пьяный, отец лежит сейчас на кушетке в грязных сапогах и фуфайке, мать еще возится по хозяйству.

А здесь дивизион вышел на вечернюю прогулку: слышны команды, песни, топот:

Тверже шаг!
Слушай, враг!
Страшись ответа грозного!

После отбоя в дверь будут стучаться, но Роза не откроет, так как завтра весь дивизион может узнать, что ночью к ней ходят.

Нельзя.

К замполиту вызовут.

Уволят за аморальное поведение, о чем она предупреждалась при устройстве на работу.

А стучаться в дверь и заглядывать в окно обязательно будут, как это было и вчера, и позавчера...

И это понятно: дивизион стоит в глухих болотистых лесах, окружен какой-то электрической сеткой, в увольнения их почти не возят, а женщин здесь, кроме нее и замужней штабистки, больше нет...

Ну вот — уже стучат... Роза вздрагивает и натягивает пальто на голову...

Может, все-таки спросить, кто стучит, открыть?

Нет-нет, не сейчас, не сегодня...

Вот и за окном уже какой-то шум: кто-то там стоит во тьме, прожигая взглядом штору...

Нет, нужно выключить свет, укрыться с головой и постараться заснуть...

Роза вскакивает, бежит к выключателю, быстро раздевается и ныряет в холодную постель, под пальто и одеяло.

Вздрагивает от холода... Завтра, говорят, уже топить начнут... сегодня днем снег срывался... нужно на выходной домой съездить, матери помочь...

В дверь постучали властно. Роза открыла. На пороге стоял красивый незнакомый офицер в парадной форме.

— Роза Кульбакина? Пять минут на сборы!

Роза быстро оделась, вышла. У казармы стояла «Волга».

— Садитесь, — сказал офицер.

Машина выехала из КПП и помчалась сквозь темные леса.

Ехали молча.

Вдруг открылось громадное зарево, в ярко освещенном небе летали голуби и воздушные шары, прямо с неба свешивались гирлянды разноцветных лампочек и пышные букеты цветов, пахло дорогими духами, слышалась красивая музыка...

— Москва! — сказал офицер.

Остановились у мраморного здания, поднялись по ступенькам, вошли.

На стенах висели портреты государственных деятелей, среди которых Роза вдруг увидела портрет своего отца.

«А мы с матерью считали его алкоголиком, пропащим человеком!»— успела подумать Роза, и они вошли в большую комнату с хрустальной люстрой и тяжелыми портьерами.

— Роза Кульбакина по вашему приказанию доставлена!— доложил сопровождавший ее офицер, и прямо из стены к ним вышел Главнокомандующий.

Роза испуганно попятилась к двери.

— Не бойтесь, Роза! — сказал он. — Я пригласил вас сюда, чтобы лично выразить вам благодарность за проявленные вами мужество, стойкость и героизм! Я знаю — к вам по ночам стучались в дверь, но вы ее не открыли! Вы никого не совратили и сами не совратились! Мне приятно вас видеть! Если у вас есть какие-то просьбы, пожелания — скажите, не бойтесь, не стесняйтесь! Может, вы нуждаетесь в чем-нибудь? Не хотели бы вы, например, остаться в Москве? Здесь, если вы пожелаете, вам смогут

сделать пластическую операцию, вы станете красивой девушкой, выйдете замуж и будете жить счастливо... Может, вам лондатон нужен? Губная помада? Тушь, сережки? Я могу распорядиться, и специально для вас изготовят медаль «За стойкость при стуке в дверь в условиях ракетного дивизиона, расположенного в глухих, болотистых лесах»... Ну, что же вы молчите, Роза Кульбакина?

«Что же я молчу?!» — в ужасе думает Роза.

Ее душат слезы, она всхлипывает, плачет — и в это время звенит будильник: пора на кухню.

Записки доставщика телеграмм

Телеграмм то густо, то пусто.

Враги доставщика: непогода, праздничные дни, тьма, овраги, собаки, склероз, отложение солей и т. д.

Телеграмма с соболезнованием опоздала на полгода.

Откроет дверь женщина в халате, а из халата вдруг выскочит грудь.

Выскочившая грудь может стать причиной брака в работе доставщика.

Доставщик и собаки.

Чистая, ухоженная улица может кончиться свалкой мусора.

Вручая телеграмму молодой женщине, пожилой доставщик может игриво сказать:

— И я также присоединяюсь к поздравлению с вашим днем рождения!

Увы, промазал: поздравительная телеграмма была в другом подъезде, а тут переговоры.

Ночью доставщик старается обойти то место, где когда-то убили доставщика.

Доставщик подавляет искушение носить с собой какое-

нибудь холодное оружие: лучше быть убитым, чем убить.

Покойников подолгу держат дома: то родственников ждут, то очередь на гробы и могилы.

Убит в Афганистане.

Из курортных городов весьма часты телеграммы с просьбой выслать деньги.

Журнал с адресами, фамилиями и пометками: «злой», «очень злой», «кляузный», «опасный», «начальник»...

Таким был вежливым и культурным до свадьбы и такой свиньей оказался после!

Семидесятилетний доставщик в гневе: поздняя телеграмма в овраг — дождь, гололед, тьма, в телеграмме: «Носки купила».

Кошка преследовала по улице собаку.

Молодые телеграфистки и солдаты.

Солдат, отслужив, уезжает домой, а телеграфистка уходит в декретный отпуск.

В этой большой семье все дочери прошли через воинскую часть.

Срочная телеграмма: «Яйца не покупай!»

Две телеграфистки свирепо соревнуются между собой в количестве полученных благодарностей.

Некоторые, получив телеграмму, хотят рассказать о своей жизни.

В пасмурный день человек в темных очках на мопеде сбивает старуху с мешком.

Человек с топором мечтательно смотрит на красивое дерево.

— Рубить собираетесь?

— Не знаю... наверное...

— Зачем?

— Да так... надоело...

Телеграфистка испекла для знакомой медсестры торт «Лебеди», и с помощью этого торта медсестра заняла первое место на каком-то внутрибольничном конкурсе.

Человек лежит под забором в пыльной траве, смотрит в небо, курит, бормочет.

Белые облака с темной подкладкой.

Телеграмма: «Ваш муж скончался. Заберите. Врач Иванов». Дверь открыла женщина в черной косынке, приняла телеграмму, расписалась и сказала, указав на стол с гробом:

— А он уже дома!

Срочная телеграмма в семь утра: «Поливай цветы!»

Некоторые люди не открывают дверь, просят зачитать телеграмму через дверь.

Некоторые не могут открыть собственные запоры.

Некоторые не любят, когда телеграмму протягиваешь через порог.

Третий день гвоздь в ботинке мучает доставщика, а забить лень.

Здесь быстро изнашиваются носки, чулки, обувь.

Изможденный почтальон с одним легким.

Новая доставщица-пенсионерка. Бывший страхагент. Уже через полчаса все знает и понимает. Еще через полчаса всех поучает, как нужно работать. Еще через полчаса всем внушено, что без нее телеграфная служба развалится. Пулеметная очередь указаний, советов. В плохую погоду уходит на больничный, из больничного выходит еще более энергичной — до следующей плохой погоды.

Профсоюзное собрание: предложения «низов» и презрительные ухмылки «верхов».

Телеграфные искажения улицы имени диктора Левитана: Виктора Левитана, доктора Левитана, а сегодня — диктатора Левитана.

И телеграфистка, и доставщик просмотрели искажение: нужно «наилучшего здоровья», а было «наихудшего».

В праздничные дни телетайпы превращаются в пулеметы с бесконечным боезапасом.

Некоторые люди весьма свято чтут свои юбилеи, беспокоятся, приходят, звонят, спрашивают:

— А мне поздравительных телеграмм не было?

— Пока не было.

— Гм, странно...

Доставщик задумывается о положении американского доставщика и не туда заносит телеграмму.

Доставщик задумывается о какой-то африканской стране и падает в яму.

Молодой телеграфистке хочется гулять, и она каждый раз сочиняет: то бабушка умерла, то дедушка.

Уже всех перехоронила, ее уличают, прорабатывают на собрании.

Телеграфная тяжба горплодоовощторга с поставщиками.

Доставщик покупает велосипед, предвкушая: с велосипедом будет быстро и хорошо. Однако и не быстро, и не хорошо, а страшно: страшно, что собьют на дороге, и страшно, что украдут велосипед, пока будешь вручать телеграмму. Да и милиционер в первый же день напугал у подъезда:

— Велосипед ваш?

— Да.

— А вы знаете, что нарушили закон?

— Какой?

— Закон о неоставлении транспортного средства без присмотра и противоугонного средства.

«Воруют ли велосипеды в Чехословакии или Китае?» — мучительно размышляет доставщик и обнаруживает, что потерял телеграмму.

Весна, разрытые огороды, парниковая пленка блестит на солнце.

Осень. Холодный ветер треплет остатки листьев и клочья парниковой пленки.

Зима. Все засыпано снегом.

Снег, сугробы, луна. Доставщика угостили водкой. Теперь он не обходит овраг, а скатывается вниз.

Октябрьский ветер растаскивает по улицам и дворам мусор.

Убит в Афганистане.

Доставщик-пенсионер, прадед которого — немец, является образцом аккуратности, обязательности, корректности. Это он совершенно добровольно составил и начертил карту района доставки телеграмм с четким обозначением всех улиц, переулков, тупиков, оврагов, переходов через овраги, всех домов и домишек, а красные точки сигнализируют о том, что данное место опасно бродячими собаками.

Одна телеграфистка готова отдать последнее, другая за копейку горло перегрызет.

Мороз и солнце.

Школьники в военной форме с автоматами идут на смену к Вечному огню, старательно копируют кремлевских часовых, похожи на марионеток.

Новый доставщик-пенсионер. Седой, сухой, чрезвычайно подвижный. С телеграммами не ходит, а бегает. Жизнь прошла в Магадане. Был прорабом в Берлаге, потом работал в УКСе. Невиновных в Берлаге не было. Невиновных вообще нет. Советская власть подмята партией. Нас могут спасти только новые Гулаги и Берлаги. Святое место — Гори.

Телеграмма с сообщением о приезде гостей повергает клиента в панику: чем поить и кормить?

Некоторые клиенты порываются заплатить за доставку телеграммы.

Некоторые молча принимают телеграмму и захлопывают дверь.

Доставщики и почтальоны обязаны брать повышенные соцобязательства по распространению знаков почтовой оплаты: конвертов, открыток, марок. Пристраиваются в

магазинах, на улицах. Продашь на сто пятьдесят рублей — червонец премии.

На лице молодой нормировщицы: «У меня — высшее образование!»

Клиент куражится: не было дома, оставили извещение, позвонил, попросил зачитать телеграмму, зачитали, сказал, что все ясно, можно не доставлять, через некоторое время — доставьте мне лично, я буду дома, хорошо, доставим, доставили, долго рассматривал и читал телеграмму, потом сказал:

— А вы знаете, что передавать телеграммы по телефону запрещено?

— Да, но вы же сами об этом попросили!

— А вы знаете, кто я? Я — заместитель парторга тракторного завода!

Мелкий снег наметает серые сугробы.

Четырнадцатилетняя дочь почтальонши долго и мучительно угасает от саркомы.

Гололед. Треск льда и костей.

Доставщица съезжает в овраг на заднице.

Телеграмма: «Умер отец, приезжай».

— Но мой отец дома! Вон сидит, чай пьет!

Доставщик не привез из Москвы старшей телеграфистке колбасы и теперь находится в опале.

Новая доставщица отказывается нести телеграммы в овраг в темное время.

Все воспоминания доставщика — бывшего геолога — укладываются в три слова: тайга, гнус, спирт.

Восемнадцатилетняя телеграфистка участвует в битвах за женихов. Сегодня она собирает своих подружек и едет в другой район бить соперницу.

В дни высоких государственных речей и поездок газеты запаздывают, и рабочий день почтальонов растягивается до ночи.

Макулатурщики воруют из ящиков газеты и журналы.

Мороз и ветер. Доставщик подморозил орган.

Вся жизнь в борьбе. Буквально вчера закончила борьбу за телефон, сегодня приступила к борьбе за памятник мужу. Памятник у него есть, но он ей не нравится — у других лучше.

Дверь открывает молодая заспанная женщина в ночной сорочке. Соски торчат сквозь тонкую ткань. Доставщик вручает телеграмму, уходит. Идет по улице, думает о женщине. Останавливается, стоит, думает, возвращается, звонит в дверь, спрашивает, не забыл ли он здесь свой карандаш. Не забыл. Уходит.

Рябина в сахаре инея.

Многодетная телеграфистка мечтает переспать со священником.

Почтальонша спасается бегством от разъяренного мужа и прячется в красном уголке под столом.

— Почему вы постоянно перевираете мою фамилию? Я не Блантер, а Бельтер!

— Не один ли черт!

Восемнадцатилетняя телеграфистка «дружит» с пятнадцатилетним. Он ее периодически поколачивает и убегает к сверстникам: кататься на мопедах, на рыбалку, на дискотеку и т. д.

Срочная телеграмма: «Колбасу купила!»

Телеграмма с разрешением обмена на Москву. Женщина поцеловала телеграмму и заплакала от счастья.

Убит в Афганистане.

У четырнадцатилетнего сына телеграфистки дискенезия, дистрофия, сколиоз, близорукость...

— Все равно в армию возьмут — не надейся! — говорят ему в подростковом кабинете.

Телеграмма из Евпатории: «Спасибо за любовь. Иди лечись. Ты болен».

Трясущийся человек просит купить ему пузырек средства против тараканов.

Уже подсыхало и пахло весной, но тут повалил густой мокрый снег.

Поздравительная телеграмма: «Вгрызайся в жизнь, Борис, смелее, не делай часто перебор, теперь во многом будь мудрее — ты в тридцать лет уже майор!»

В общежитии глухонемых всегда все понятно, улыбки, никаких вопросов и претензий.

Телеграмма в горплодоовощторг: «Имеем возможность продать капусту соленую, арбузы соленые, кабачки соленые, помидоры соленые, огурцы соленые. Начальник Петровского ОРСа Н. Соленый».

Эта женщина очень часто заказывает переговоры, чтобы по телефону поругаться с зятем.

Поздравительная телеграмма тому, кому уже ничего не нужно.

Рай цветущего оврага.

Перестройка почтамта начинается с уборщиц, почтальонов, доставщиков, операторов и ими же, кажется, и завершается: сокращения, отмена надбавок и т. п.

Почтовая элита пришла к заключению, что горбатой уборщице можно платить не более двадцати рублей в месяц, да и то это много.

Участки укрупняются, число доставщиков сокращается.

Ускорение на основе мелькающих ног и высунутого языка.

Здравствуй, новая жизнь!

Здравствуй, Чарли Чаплин!

«Б» и «У»

«Б» по-прежнему капризничает. Нужно срочно установить причину. Может, дрекель? Ладно, на сегодня хватит.

Шел пешком. Весенний вечер, звезды, женщины... Ничего, скоро и моя звезда вспыхнет!

Столкнулся с другом детства Владленом. Он по-прежнему в своем стиле: подпрыгивает, подмигивает.

Подпрыгнул, подмигнул, затащил в ресторан.

Интересовался жизнью, работой, о себе умалчивал, отделывался шутками, общими фразами, исчез внезапно, не попрощавшись... Клоун!

В кармане плаща — записка: «Приходи завтра вечером сюда же. Влад».

Клоун! Не тебе указывать, где мне быть завтра вечером!

Фу, слава богу! «Б» капризничает из-за дрекеля! Теперь можно и дух перевести!

Весенний вечер, звезды, женщины... Теперь можно и к Зине зайти...

Шел к Зине, а оказался в «Спартаке». Владлен был уже там. Подпрыгнул, подмигнул, обнял, усадил. Коньяк, деликатесы. Откуда такие деньги, Владлен? Не ответил, подмигнул, предложил тост за нашу юность, вспомнил болоньевые плащи, твист, кафе «Лунный камень»... А чем же ты все-таки сейчас занимаешься, Владлен? Подмигнул и ответил, что занимается подмигиваньем в каком-то органе «У» — дело новое, перспективное, хорошо оплачиваемое...

Предложил и мне заняться этим делом, бросить конструкторство...

Клоун! Не тебе указывать, чем мне заниматься!

Дрекель налажен, но «Б» по-прежнему капризничает. В чем дело?

Шел пешком. Тепло сменилось холодрыгой. Мокрый снег, слякоть, предпраздничная иллюминация, милиционер прохаживается у трибуны, охраняет... Так в чем же дело? Почему капризничает «Б»? Не в курбеле ли дело? Не тут ли собака зарыта? Быстро проверить расчеты, сейчас же, бегом!

Ура! Все дело — в курбеле! Нет подпитки! Ничего, все хорошо, все наладится! Это тебе не подмигивать, Владлен! Ничего, скоро и наш час пробьет! Скоро и наша звезда вспыхнет! Скоро все шлагбаумы откроются!

Алло, Зина! Готовь свой свадебный наряд! Готовься к свадебному путешествию! Готовься к Франции!

Дрекель и курбель в норме, но «Б» по-прежнему капризничает. В чем же дело? В чем причина?

Ночь, предпраздничная иллюминация, постовой у трибуны... Так в чем же все-таки дело? Почему капризничает «Б»? Не в штрикеле ли дело? Не тут ли собака зарыта? Быстро проверить расчеты, сейчас же, бегом!

Ура! Все дело — в штрикеле! Фу, отлегло! Нет, все будет хорошо! Все наладится! Нужно почаще прогуливаться у трибуны — здесь скрыты какие-то силовые поля, возбуждающие творческую энергию! Спасибо тебе, трибуна! Спасибо тебе, постовой! Стойте так всегда! Стойте так вечно! Пока вы стоите, я буду искать и находить! Пока вы стоите, я существую!

Пам-рам-пари-рам, пам-парира-пари-рам.

«Б» величественно возвышается среди повседневного хлама. Некоторые отклонения режима прочности. Нужно форсировать. Время поджимает. Мобилизоваться самому и мобилизовать остальных. Никаких отгулов, больничных, выходных и праздничных. Или — или...

Зина звонит, спрашивает, что будем делать на праздники. Не до праздников сейчас, Зина. Наш праздник еще не наступил, но скоро наступит. Скоро откроются все шлагбаумы. Готовь свой свадебный наряд. Готовься к Франции, Зина.

Звонил Владлен, предлагал выезд на природу. Отказался. Пейте, пойте, маршируйте, выползайте на зеленые лужайки — делайте, что хотите, только меня не трогайте.

Последние испытания. Дрекель, курбель и штрикель ведут себя хорошо. Небольшие отклонения общего режима прочности, но это уже мелочи. Кто цепляется за мелочи, тот никогда не достигнет главного. Завтра все решится. Звон звезд и дыхание вечности. Скорей бы утро!

Кожух, кожа, кровь, глаза. Взрыв. Не выдержал защитный кожух. Один убит, другому выжгло глаза. Вместо Франции — тюрьма. Ухмылки тех, кто был против форсажа. Ухмыляйтесь, подмигивайте.

Кожух, кожа, кровь, глаза.

Подписка о невыезде, следствие. Свадьба отменяется. Не нужно стенать, Зина. Не выдержал защитный кожух.

Кожух, кожа, кровь, глаза.

Нужно все брать на себя. Нужно говорить, что я сознательно шел к этому. Раз уж покатилось, так пусть катится до конца. Нужно тянуть на «вышку», чтобы побыстрее все кончилось, чтобы побыстрее выйти из этого борделя.

Пустырь, пыльная трава, мусорные горы. Падшие роются в мусоре, промышляют, ссорятся, дерутся.

Дрекель, курбель, штрикель.

Кожух, кожа, кровь, глаза.

Кладбище. По этой аллее шли когда-то за учительницей в театр. Тогда казалось, что весна будет вечно, что мы никогда не умрем, что учительница живет на волшебном облаке. Вдруг из кустов вышел какой-то человек, вырвал из рук учительницы сумочку и ушел в кусты...

Вот и могила матери. Все заросло, обвалилось, проржавело.

Не выдержал защитный кожух.

Жаркий, пыльный ветер. Женщины судорожно зажимают платья, похожи на кур в ветреный день. Толпа на

перекрестке. Кто-то сбит, убит, ушел туда, где нет ничего — ни кожуха, ни кожи...

Мост. Притягивающий блеск и стук вагонных колес под мостом. Надпись на мосту: «Самая серьезная из всех философских проблем — это проблема самоубийства». Ниже: «Х... тебе в горло, чтоб голова не качалась».

Какое-то яйцеобразное здание с вывеской: «Орган «У». Значит, такое учреждение действительно существует? Значит, Владлен не паясничал, не врал? Помнится, в детстве он очень любил сырые яйца, мог сразу выпить десяток...

Не зайти ли? Зашел. Но дальше — нельзя, милиционер. Сказал, к кому, позвонил, пропустил...

— Молодец, что зашел, — сказал Владлен. — Я уже в курсе. Как же ты так, а? Просчитался в куске железа, людей погубил, себя? Ладно, не дрейфь, сейчас все устроим, друзья детства как-никак, вместе в подсолнухах играли...

Очнулся на диване, но не дома, а в кабинете Владлена. Значит, не сон все это, не бред...

— Поздравляю! — сказал Владлен. — К своему злосчастному «Б» ты уже никакого отношения не имеешь. Учись подмигивать!

Клоун! Сволочь!

Однако и не сволочь, и не клоун: от следствия я действительно освобожден, свободен.

Вышел в «У» на работу. Учился подмигивать.

Учеба продолжается. Теория и практика, зачеты.

Первый выход на свой участок. Подпрыгивал, подмигивал, слышал смех. Разве это плохо? Разве это не гуманно — вызывать улыбку, смех, хорошее настроение?

Владлен мной доволен. Обещает отпуск и две путевки в Югославию. Не Франция, так Югославия. Кто бы мог подумать. Готовься к свадьбе, Зина...

Свадебный банкет в «Спартаке» во главе с Владленом.

Самая серьезная из всех философских проблем — это проблема своевременно подмигнуть.

Шампанское все смоет: кожух, кожу, кровь, глаза...

В свадебное путешествие, как и обещал Владлен, они отправились в Югославию. По дороге из Белграда в Загреб он убежал в горы, и больше его никто не видел. Зина вернулась одна, были неприятности, из лаборатории пришлось уйти.

Работает сейчас швеей-надомницей от быткомбината: шьет наволочки, носовые платки, мужские трусы.

Работает без брака, продукцию сдает своевременно.

Раз в месяц ходит на вечера для тех, кому за тридцать.

Что делать?

Да, скоро все кончится: и диван, и газеты, и телевизор, и часы, и телефон, и потолок, и стены, и окно... Ничего не попишешь — пора. Закон отрицания отрицания, закон перехода количества в качество...

Свезут на кладбище, где завод и свинарник, — и все, конец.

А все друзья, жена, родственники — на старом клаббище, где благородство вековой зелени, мрамора, тишины...

Не успел на старое, опоздал...

Конечно, там еще хоронят, но кто походатайствует за одинокого старика?

Ни особых заслуг, ни блата...

Придется тащиться на новое...

Телефона там, конечно, нет... в гости никто не придет...

Дым завода и рев голодных свиней...

И этот Иисус, если он существует, вряд ли туда придет... не захочет тащиться...

Все встанут, а мы будем заседать в каком-нибудь могилкоме...

Пусть себе заседают, скажет он, не буду отрывать их от важных дел...

А вдруг он придет и спросит с усмешкой: ну, как вы тут заседаете? По какому принципу определяете праведных и грешных? Как тут у вас относительно законов отрицания отрицания, перехода количество в качество, борьбы и единства противоположностей?

Может, отказаться от всех этих законов?

Может, еще не поздно?

Но что в них плохого, несправедливого?

А вдруг ему эти законы не нравятся? А вдруг он спросит: зачем не отрекся от того, в чем сам ничего не смыслил да еще и другим навязывал?

Да я и не навязывал их никому... Только однажды в споре с Пашпадуровым на философские темы я прибегнул к помощи этих законов и выиграл спор...

А вдруг он спросит: зачем же было отрекаться уже в конце?

А вдруг его нет?

А вдруг он есть?

Нет доказательств, что он есть, но и доказательств, что его нет, тоже нет...

Потолок...

Мухи...

Что делать?

Песнь о машинах

Меня звать Нина, я ничего не помню, помню только Симферопольское шоссе, грохот машин и раздавленных собак и кошек.

Мечтать о ребенке и муже я стала в десятом классе. Вычисляя всевозможные формулы, освещая экономическое и политическое положение далеких стран, пиша о молодогвардейцах и проч., я думала о них — о ребенке и муже. Они казались мне двумя облаками: побольше — муж, поменьше — ребенок. Они весело резвились в голубом небе, то совсем близко опускаясь ко мне, то улетая, исчезая...

Как-то осенью познакомилась я с одним человеком. Он боялся машин, столбенел на перекрестках, не доверял светофорам, вздрагивал — гулять с ним по городу было невозможно.

Тем не менее мы поженились и стали жить в нашем домике на Симферопольском шоссе. В первую же ночь он вдруг вскочил с постели, подбежал к окну и стал светить на шоссе фонариком.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я.

— Машины должны знать, что здесь живут люди, — ответил он.

Я стала помогать ему дежурить у окна: полночи — он, полночи — я.

Грохот шоссе усиливался, машины множились, размножались.

Наш ребенок тоже боялся машин.

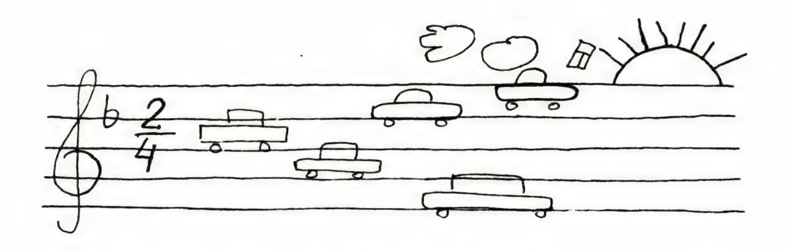
Объявили продажу дома, но покупателей не нашлось.

Машины размножались, грохот усиливался, шоссе расширялось, вплотную подошло к окнам.

Муж отменил ночные дежурства.

— Это бесполезно, — сказал он. — Нужно их полюбить, и тогда все устроится.

Вечерами, когда солнце бросало прощальные лучи в

наши грязные окна, он вынуждал нас опускаться на колени лицом к шоссе и повторять:

— Мы любим вас... мы любим вас...

Февральской ночью в наш домик врезался самосвал, они погибли, а я выжила.

Собственно говоря, они не погибли, а только видоизменились, снова став облаками.

Весело резвятся они в голубом небе, то совсем близко опускаясь ко мне, то улетая, исчезая..

А сегодня я наконец-то завершила свой многолетний труд, свою «Песнь о машинах»...

Петь в любом темпе, желательно в голом виде.

Чемоданчик

Серым ноябрьским вечером слесарь службы сжиженного газа Николай Могильный вышел из автобуса «Драмтеатр—Известковый» и пошел домой.

При нем было шестьдесят рублей получки, бутылка вина и кусок колбасы.

Он шел и думал: сейчас приду домой, растоплю печь, нагрею воды, искупаюсь, простирну белье, поужинаю и лягу спать, а завтра утром позавтракаю и поеду на демонстрацию, а после демонстрации, если ничего непред-

виденного не случится, приеду домой, пообедаю, посмотрю телевизор и лягу спать.

Он оглянулся и увидел, что за ним идут поселковые хулиганы.

Он пошел быстрее — они тоже.

Он побежал — они побежали.

Тогда он сдернул с головы свою зеленую шляпу и еще более припустил. Он уже добегал к своей калитке, как вдруг его слесарный чемоданчик распахнулся, и на землю с грохотом посыпался инструмент.

Наверное, нужно было продолжать бежать, но Николай остановился, замешкался и был настигнут, избит и ограблен.

Когда все кончилось, он собрал инструмент, приполз в землянку, заполз на диван и натянул на голову одеяло.

Лежал, стонал, уснул...

Проснулся, посмотрел в мутное зеркало, выключил свет и снова лег.

В землянке было сыро и холодно, за кривым окошком дрожала голая вишня, и были видны далекие, дрожащие, предпраздничные городские огни...

— С наступающим праздником, чемоданчик,— сказал Николай, обращаясь во тьму.— Молодец — удружил, спасибо... то тебя не откроешь, то ты сам открываешься... Зачем открылся? Нашел где открываться! Ты здесь пять лет живешь, а я, слава богу, сорок пять, и я, наверное, получше тебя знаю наш Известковый! Тут всегда известь висела, тут никогда не знаешь, когда, за что и от кого получишь! Не так сказал — по мусалам, не так посмотрел — по мусалам, молчишь — по мусалам...

Открылся он! А я бы убежал! А где вино, колбаса, деньги? А как я завтра с такой рожей на демонстрацию пойду? А мне нельзя не пойти, я флаг записан нести, и у меня есть прогул в октябре и свежая жалоба от абонента, которому я плохо устранил утечку газа!

Надо же думать немного! Нашел где открываться! Тут разговор короткий: открылся — получи!

Молчишь, фибровый? Что тебе нужно? То тебя не откроешь, то ты сам открываешься! На отдых захотел? Рано — мне тебя на десять лет выдали! А может, тебе надоело быть чемоданчиком слесаря жидкого газа? А что тебе хочется? Может, тебе хочется быть чемоданчиком техника жидкого газа? Инженера? Управляющего? А на свалку тебе не хочется — к дохлым собакам и кошкам?

Молчишь? Может, я к тебе плохо отношусь? А ты видел, как по утрам избивает свой чемоданчик Вашура? А в лучшем ли положении чемоданчик Жижомы? А где они были, что они видели? Нигде и ничего! А ты со мной и в Горловке побывал, и в Дебальцеве! Не каждый чемоданчик бывал в других городах! Ты со мной и в пансионате жидкого газа две недели отдыхал! Не каждый чемоданчик отдыхал в пансионате!

Молчишь? Стыдно? А может, тебе надоело быть чемоданчиком Могильного? Может, тебе скучно с Могильным? Может, тебе хочется разгульной жизни? Может, тебе хочется быть чемоданчиком Вашуры или Жижомы? Так иди к ним! Иди — я не держу! Иди к Вашуре, иди к Жижоме! Иди, вымогай с ними у абонентов деньги, пей, гуляй, веселись, но учти — наступит похмельное утро, и ребра твои затрещат!

Может, и мне тебя бить по утрам? Зачем открылся? Дать тебе сейчас?

Молчишь? А может, ты презираешь меня? Может, и ты считаешь меня гнидой и недоноском, которого можно гонять по улицам, бить и грабить?

Молчишь? А может, ты тоже боишься? Может, ты тоже дрожишь? Так ты скажи — вместе будем дрожать и как-нибудь додрожим остаток своей недоносной жизни...

А может, нам уехать отсюда? Может, нам продать нашу землянку и уехать куда-нибудь, где нас еще не знают?

Может, нам переехать с тобой в поселок Шлаковый или Кирпичный? Может, там у нас будет другая жизнь?

А может, ты нуждаешься в дамской сумочке? Так ты скажи, и я тебе ее куплю! Сразу же после праздников и куплю! Займу у Жижомы или Вашуры — и куплю! Какую скажешь — такую и куплю! Я видел в уцененном приличные дамские сумочки — вот и сходим туда!

Молчишь? Или ты хочешь, чтобы я завтра вечером вышел на улицу Резервуарную с ножом? Но что это изменит, чемоданчик? Разве от этого наш Известковый станет лучше?

Молчишь? Презираешь?

... В землянке было сыро и холодно, за кривым окошком дрожала голая вишня, и были видны дрожащие предпраздничные городские огни...

Николай натянул одеяло на голову и закрыл глаза...

Кармен-сюита

С. Беринскому

Посмотрев фильм-балет «Кармен-сюита» (постановка кубинского балетмейстера Алонсо, музыка Бизе—Щедрина), сцепщик вагонов станции Дебальцево Виктор Дудкин решил познакомиться с Маей Плисецкой.

Какими должны быть манеры, одежда, речь — проблем и вопросов перед поездкой в столицу было немало.

Дудкин волновался.

В поезде он так часто ходил курить, что проводница сказала:

— Ходит и ходит, бенера.

В Москве было сыро, холодно, срывался снег, Плисецкой нигде не было, к вечеру Дудкин совсем позеленел, ночь провел на вокзале, а утром уехал домой.

Жизнь пошла прежняя, обычная: вагоны, рельсы, стрелки, автосцепки, рукава, колеса, башмаки, но Плисецкая не забывалась.

Как-то ночью, вися на подножке осаживаемого вагона, Дудкин задумался о ней, зазевался и сбил вагоном деповские ворота. Сварили и повесили новые ворота — он и новые сбил.

Нужно было уходить с железной дороги.

Дудкин рассчитался и уехал в Москву — теперь уже навсегда.

В поезде он случайно разговорился с пожилым человеком по имени Арнольд Вятич.

— Плисецкая? — усмехнулся Арнольд Вятич. — Зачем она тебе? Ты лучше сходи на ВДНХ, посмотри наши достижения и возвращайся домой — так будет лучше.

Но Виктор смотрел в окно и думал о своем.

С помощью Арнольда Вятича он устроился дворником, получил лимитную прописку и служебную комнату.

Плисецкая была в Японии.

Стояла осень, желтые листья медленно кружились в прохладном северном небе, сливаясь с золотом маковок и крестов.

После работы Дудкин шел гулять.

«Падает снег, — напевал он, — ты не придешь сегодня вечером. Падает снег... я умираю...»

Снег действительно все чаще и чаще выпадал — надвигалась зима. Здесь она начиналась значительно раньше, чем там, дома, в Дебальцеве.

После ноябрьских праздников жэк возглавил новый начальник — майор в отставке Петр Степанович Стучик.

Новый начальник круто развернул жэковскую жизнь в сторону дегазации, ракетно-ядерных инсценировок, родственных чувств к далекой партии МПЛА и любви к известному поэту-горцу, которого Стучик почему-то именовал Ганзапом.

Умер Арнольд Вятич.

Из Японии Плисецкая уехала в Италию.

Зима выдалась капризная: то страшные морозы, то неожиданные оттепели, то бесконечные снегопады.

Дудкин был переброшен на участок, где жили иностранные специалисты, — убирать снег и скалывать лед там приходилось особо тщательно.

К вечеру от лопаты и лома дрожали руки и ноги.

В январе Дудкин простудился, но температуры не было.

Больничный не дали.

Простуда тянулась весь январь, а в феврале он заметил, что стал хуже видеть, слышать и произносить слова, к тому же на животе стал расти какой-то коричневый гребень.

— Ничего страшного, — ответили в поликлинике.

По дороге из поликлиники его забрали в вытрезвитель, где ночью он был избит каким-то пьяным.

Он стал еще хуже видеть и слышать и уже совершенно не мог на жэковских политзанятиях произнести слово «МПЛА» или слово «Зимбабве».

— Что-то ты, брат, совсем запаршивел, — говорил ему начальник жэка Петр Степанович Стучик.

Гребень на животе рос, выпирался под бушлатом.

— Скоро наш Дудкин рожать будет! — смеялись дворничихи.

В конце февраля его из жэка уволили, но еще весь март использовали для вывозки льда и снега.

А в конце марта вместе с последними глыбами льда и снега его вывезли за город, и больше его никто не видел.

Альбом

В прощальный день Николаю Ивановичу подарили бархатный альбом и будильник.

— Негусто,— сказала жена.

— Побрякушки, — сказала дочь.

Николай Иванович ничего не ответил и закрылся в наспех прилепленной к дому пристройке, которая с некоторых пор была его комнатой: кушетка, табуретка, старый «Рекорд».

Он присел на кушетку и стал рассматривать подарки.

Ознакомившись с инструкцией, он завел будильник, совместил стрелки и услышал дребезжащую мелодию песни о ямщике, замерзающем в глухой степи...

На титульном листе альбома было золотом написано: «Дорогому Николаю Ивановичу от коллектива цеха мясорубок».

Он стал рассматривать личные фотографии, которые теперь можно переселить из альбома общего в альбом личный.

Таковых набралось десятка полтора: школа, ФЗУ, армия, женитьба, первомайская демонстрация, поездка в Горловку...

И впервые в жизни ему бросилось в глаза, что на всех фотографиях он почему-то хмур, напряжен, насуплен, и только на одной, совсем уже пожелтевшей, он улыбается: голенький, пухленький, задрав ножки и выставив два первых зубика, он лежит на каком-то цветастом коврике и улыбается...

На обратной стороне — выцветшая, корявая надпись: «Коли годик»...

— Коли годик,— вслух произнес Николай Иванович.

За окном сгущались сумерки.

Завыл Шарик.

Стемнело.

Дочь за стеной включила магнитофон: «Жизнь невозможно повернуть на-зад...»

Над обрывом

Ее первый жених через полгода после призыва в армию ответил на ее сотое письмо, что пусть она ему больше не пишет, так как он облучен.

Весной познакомилась с другим, все лето провели вместе, осенью его призвали в армию, он долго молчал, затем сообщил, что во время крупнейших в Европе учений он подвергся воздействиям паров АКЗП-10, что он теперь обречен на медленную, мучительную смерть и что дальнейшие их отношения не имеют никакого смысла.

Зимой познакомилась с третьим — этот уже отслужил, работал мастером цеха мясорубок, имел твердые взгляды на жизнь, в свободное время занимался живописью.

Подали заявление, дело шло к свадьбе, как вдруг однажды вечером он с озабоченным видом сообщил, что вчера нарочным он был срочно вызван в военкомат, где ему предложили сверхсрочную службу в Польше.

— Но ведь это дело добровольное? — спросила она.

— Гм, — усмехнулся он. — Конечно, я могу отказаться, но... не знаю, поймешь ли ты... Дело в том, что положение в Польше сейчас очень обострилось... там сейчас решается судьба всего польского народа, и нам вовсе не безразлично, как она решится... Могу ли я отсиживаться в теплом углу в то время, когда на баррикадах идет жаркая схватка? Нет, не могу! Да, я жизнью своей рискую, но иначе поступить не могу! И сейчас я должен быть там, где наиболее нужен... Родина! Такие вот, значит, пироги... Но ты не грусти, не беспокойся! Наша свадьба не отменяется, она только переносится на более поздние сроки! Я тебе буду писать, я тебе... я тебе вызов сделаю! Польшу увидишь, другие страны! Что нам киснуть в нашем Дебальцеве!

И этот исчез куда-то бесследно.

И другие исчезали бесследно по весьма важным причинам...

Много позже всех она их видела в полном здравии, с женами и детьми.

Болела, долго лежала в больнице.

Выписалась, навсегда уехала в свое Ляпино на высоком оползневом берегу моря.

От случайной связи с запойным скотником у нее родилась немая девочка..

Иногда они выходят к глубокому глинистому обрыву.

Стоят, смотрят на бесконечные пенистые волны.

На прополке

Подшефный колхоз находился за аэропортом и воинской частью.

Остановились у конторы. Старший пошел узнать, что делать. Перекуривали, пили из колодца воду, читали на двери: «Сегодня состоится тов. суд над Диканевым и Диканевой».

Однобокий тополь лениво шелестел пыльными листьями.

Однорукий колхозник выдал тяпки.

Из конторы выглянул одноглазый человек и приказал однорукому ехать с городскими.

Остановились у поля, густо заросшего желтой сурепкой.

Однорукий отсчитал ряды и сказал, что каждому нужно сделать ряд туда и обратно, оставляя на один погонный метр не более четырех единиц культуры.

Полоть старались быстро, чтобы до жары выполнить норму и уехать домой.

Шли плотной группой, переговаривались, затем растянулись, замолчали.

Жаворонки посвистывали в безоблачном небе.

Припекало.

На другом конце поля стояла бричка с водой. Одноухая лошадь уныло смотрела в жаркую землю. На бочке сидел одноногий водовоз.

Пили воду, перекуривали и двигались в обратный путь.

Последним поднялся Дмитрук, термообрубщик, год назад переехавший из деревни Выползово в город.

— На работе жара, тут жара, — пробормотал он, выпивая еще кружку воды.

— Жара! — весело отозвался водовоз.

— А ты молчи! — крикнул Дмитрук. — Инвалидами тут заделались, а за них паши! Утесовы!

Водовоз молчал.

Жаворонки молчали.

Струилась жара.

Все молчало.

Падает снег

Боец скота Павел Пашпадуров продал за проходной кусок мяса, выпил стакан водки и пошел в ресторан «Спартак».

— Места есть? — спросил он у швейцара.

— Когда местов нет, мы никого не пускаем, — ответил швейцар.

— А ты слышал «Падает снег»? — спросил Павел и поднялся на второй этаж.

В холле, под пыльным фикусом, сидел милиционер и спичкой чистил ногти.

— Места есть? — спросил Павел.

— Сие мне неизвестно, — ответил милиционер.

— А ты слышал «Падает снег»? — спросил Павел и вошел в зал.

Там под резкие вспышки света и грохот музыки в конвульсиях тяжелого рока дергались люди.

— А вы слышали «Падает снег»?! — крикнул Павел, но никто ничего не слышал.

Он проник на кухню, но и там никто ничего не слышал.

Вышел, брел куда-то по черной, промерзшей, продутой коксохимическим дымом улице и выкрикивал:

— Падает снег! Ты не придешь сегодня вечером! Падает снег! Я умираю!

И в вытрезвителе он приставал ко всем со своим падающим снегом, пока ему не дали по ребрам, и тогда он успокоился, затих.

Он тихо лежал на койке и вспоминал картины жизни двадцатилетней давности: заснеженные армейские леса, Новый год, бутылка вина на десятерых в отхожем месте, «Голубой огонек» по телевизору, югославская певица Радмила Караклаич, ее песня «Падает снег», ее черное, в блестках, платье, ее пышные, белые волосы, голос, глаза.

Он вспомнил все это и тихо заплакал в серую вытрезвительскую подушку.

Практикант

Душная летняя ночь. Багровая луна уныло смотрит на охваченный огнем и дымом металлургический завод.

В аппаратной двое: мастер и практикант. Мастер мечется между приборами и телефоном, нервничает, матерится, на ходу жует колбасу и пьет кефир, а практикант робко сидит в углу за железным столом и старательно наблюдает за действиями мастера: ведь и он когда-нибудь станет мастером, будет иметь хорошую зарплату и рано, по льготному списку, уйдет на пенсию...

Душно, жарко... запах доменного газа... гул подземных двигателей... время почти не движется...

Вдруг мастер подпрыгивает, повисает под потолком вниз головой и в таком положении производит запись в журнале...

«Неужели и этому я должен научиться?» — испуганно думает практикант.

— А ну не спать! — кричит мастер. — А ну глянь давление доменного газа!

Практикант вздрагивает, бежит к приборам, долго смотрит.

— Ну, что там?! — кричит мастер. — Куда смотришь? Где у нас доменный газ, на каком щите?

Воет сигнализация, мастер выбегает из аппаратной, а практикант снова садится за дрожащий железный стол...

Душно, жарко... запах доменного газа и серы... гул подземных двигателей... треск и мигание приборных щитов... время не движется, стоит на месте...

Но вот открывается какая-то деревушка, практикант бежит по раскаленной тропинке среди серых от зноя цветов, вот и обрыв, вот и река... сейчас он прыгнет с обрыва в прохладную воду и вздрогнет от блаженства! А потом он уснет на другом берегу под гул летнего леса.

— А ну не спать! — кричит мастер. — А ну глянь давление природного газа!

Практикант вздрагивает, бежит к приборам, долго смотрит...

— Ну что там?!— кричит мастер.— Куда смотришь, баран? Где у нас природный газ, на каком щите? Выйди проветрись!

Практикант выходит из аппаратной.

Грохот, пыль, угарный газ.

Вверху, зажатая трубами, висит багровая луна, внизу, в тусклой яме, мелькают фигурки рабочих.

Рядом с воем срабатывает избыточный клапан, практикант подпрыгивает от страха, и все вокруг окутывается едким дымом.

Дача

Иван Сергеевич купил дачу: не очень дорого, не очень далеко, приличный домик, яблони, малина, крыжовник...

Место слегка возвышенное. Справа — террикон отработанной шахты, слева — кладбище, внизу — какой-то отстойник, на горизонте — трубы, конусы и пирамиды металлургического комбината.

Центральный въезд украшен ажурной аркой с золотыми буквами: «Тимирязевец Донбасса».

Слева от арки — щит объявлений, справа — щит запретов.

Почва тяжелая, с арматурой.

Вода по графику.

Собрания, взносы, рейды-проверки.

Сосед слева — вор, сосед справа — наглец.

В часы захоронений со стороны кладбища доносятся тяжелое завыванье труб и буханье барабана.

При восточном ветре дачная местность накрывается дымом, пеплом и пылью коксохимзавода.

По ночам отстойник пугающе светится, фосфоресцирует.

Налеты хулиганов из ближайшего поселка и города.

— Ну, как тебе наша дача? — спрашивает Иван Сергеевич.

— Да так... ничего,— отвечает жена.

— Ничего — пустое место! Нравится или нет?

— Ну, нравится...

— А ты мне, пожалуйста, одолжение не делай! — сузив глаза, сказал Иван Сергеевич.— Тебе, я вижу, здесь все не нравится: воздух, вода, климат... Так в чем дело? Не нравится — на все четыре стороны! Никто не держит! Скатертью дорожка! Вот так! А это... это моя родина, здесь я родился, вырос, человеком стал... почетным железнодорожником! Да! И под забором, как твоя родня, не валяюсь, и в ЛТП не лечусь! И я... и я не позволю, да, не по-

зволю, чтобы каждая шмакодявка мою родину оскорбляла!

— Да кто оскорбляет, Ваня? Что ты плетешь?

— Не нужно! Я все вижу и понимаю! Всякая голытьба будет здесь критику разводить! Вода не такая, воздух не такой! Люди здесь, видишь ли, не говорят, а хрюкают!

— Да что ты сочиняешь, Ваня?! Что с тобой?

— Молчи! Я все вижу и понимаю — не дурак! Не нравится — на все четыре стороны! Примадонна! Забыла, откуда и с чем приехала? Да и что твоя родина, что?! Да там же... да там же никогда не было, нет и никогда не будет колбасы!

И, успокоившись, Иван Сергеевич с уважением подумал о колбасе.

Курица

День был хмурый, ползли тяжелые облака, срывался и тут же таял слабый синюшный снег.

Кусками жести, толя и проволоки Николай Иванович заделывал в заборе дыру.

Куры бродили по двору, рылись в золе за уборной, и только курица с синей меткой, поджав ногу и прищурив глаз, неподвижно стояла в черном, вскопанном огороде.

Работал Николай Иванович медленно, часто перекуривал.

Соседский больной мальчик, высунув язык, смотрел в окно.

Прогрохотал рейсовый автобус.

На пустыре через дорогу сцепились бездомные псы.

С хрипящим магнитофоном прошли поселковые хулиганы, и один из них спросил:

— А Верка дома?

— Нету, в город уехала,— ответил Николай Иванович.

Жена в спущенных чулках выплеснула с крыльца помои, все куры дружно бросились к жиже, и только курица с синей меткой осталась на месте.

Порывом ветра ей взъерошило грязные перья и пух.

Николай Иванович сходил в уборную, вернулся и увидел у забора незнакомого человека в грязном плаще и облезлой кубанке.

— Что нужно? — спросил Николай Иванович.

Незнакомец молчал, мутно смотрел в огород.

— Что нужно? — спросил Николай Иванович и поднял с земли молоток.

— Гыл! Гыл-дыл!— испуганно ответил незнакомец, на его губах лопнул пузырь слюны, он отшатнулся от забора и побрел по улице.

Порывом ветра его подтолкнуло в спину и задрало полу плаща с клетчатой подкладкой.

Мальчик в окне забеспокоился, стал гримасничать и стучать в окно.

— Мордует тебя! — крикнул Николай Иванович на мальчика. — А тебе какого тут надо! — крикнул он на курицу и замахнулся молотком. — Какого тут торчишь? Иди вон к своим... долбись там... гыл-дыл!

Курица отскочила в сторону и снова замерла.

Закончив работу, Николай Иванович отнес в сарай остатки жести, толя и проволоки и пошел в дом.

Там жарко топилась печь, жена за столом лузгала семечки, дочь, напевая «Миллион алых роз», в зале у трюмо подкрашивала глаза.

— Куда наряжаешься? — спросил Николай Иванович.

— Не шелести, — ответила дочь.

— Пошелестишь, да поздно будет! — крикнул Николай Иванович.

— Не трогай ее, — сказала жена. — Дырку заделал?

— Заделал.

— Садись обедать.

Она поставила перед ним тарелку горячего борща с

острой, торчащей костью, он молча поел, выпил кружку холодной воды и лег на кушетку.

Дочь, продолжая напевать, натянула новые лаковые сапожки, надела пальто и шапку и пошла к двери.

— А теплое надела? — крикнула жена.

— Надела, надела! — огрызнулась дочь.

— Где ж надела?!— крикнула жена, подбегая к дочери и задирая ей подол.

Николай Иванович отвернулся к стене и закрыл глаза.

Ему представилось, как дочь идет сейчас в лаковых сапожках по грязному асфальту к поселковому магазину, как она пьет с хулиганами вино, хрипло смеется, курит...

Чтобы не видеть этого, он открыл глаза и стал думать о том, что нужно где-то раздобыть мешок опилок и утеплить водопровод — прогноз обещал заморозки...

Уснул. Приснилась станция. Шли маневровые работы. Вдруг один из вагонов отцепился и пошел под уклон. Нужно было побежать и подложить под колесо башмак, но Николай Иванович почему-то стоял и не мог сдвинуться с места. А вагон набирал скорость и резво бежал к горловине, куда уже заходил пассажирский поезд... «Все, конец, тюрьма!», — обреченно подумал Николай Иванович, и тут его разбудила жена: куда-то исчезла курица с синей меткой.

Он оделся, вышел.

Серый день клонился к сумеркам, ветер развернулся с севера, гремел железом, трепал на вишне остатки красных листьев, сбивал дым с дальних заводских труб и гнал его в сторону поселка.

Николай Иванович пересчитал кур в курятнике, осмотрел все закоулки двора и огорода, заглянул в дыру уборной — курицы с синей меткой действительно дома не было.

Не было ее и на улице.

Пошел к соседям.

Там ответили, что никаких чужих кур у них не было,

нет и не может быть, и нечего тут ходить, собак дразнить.

Пошел по улице, заглядывая в чужие дворы и огороды.

Свернул на пустырь.

Что-то белое мелькнуло, но это была не курица, это обрывок бумаги взвился в мутное небо.

Ветер гудел, завывал, под ногами трещал подмороженный бурьян.

Быстро стемнело. На горизонте уже вздрагивала горбатая цепь заводских огней. Рейсовый автобус прошел с включенными фарами. Тускло, будто сквозь марлю, светились поселковые огни.

Что-то чернело впереди — там, где после ноябрьских праздников нашли мертвого человека.

Николай Иванович остановился.

Черное пугало его.

Он уже хотел было повернуть назад, но тут в заводской стороне стали сливать доменный шлак, зарево быстро двинулось к поселку и озарило пустырь.

Николай Иванович сделал несколько нерешительных шагов вперед и облегченно вздохнул: то, что чернело, что пугало, оказалось обгоревшим автобусным сиденьем. Он наклонился посмотреть, не пригодится ли это сиденье в домашнем хозяйстве, и увидел курицу.

Она лежала за сиденьем, в ложбинке, в свежих сгустках крови.

Он долго стоял и смотрел на мертвую курицу.

В преддверии новой жизни

В нашем городе очень развита тяжелая промышленность. У нас крупнейшие домны, мартены и прокатные станы. Много героев труда. Имеются клубы и стадионы. С

продовольствием хорошо. К нам за колбасой приезжают из соседних городов.

С матерью и старшим братом я живу на окраине города, в поселке Шлаковом. Это большой и крепкий поселок. Многие имеют машины и мотоциклы. Питаются и одеваются хорошо.

Живем мы в просторном, но еще не совсем законченном шлаконабивном доме. Имеются куры, сарай, огород. Отец три года назад убит в поселковой драке, мать работает на водокачке, брат — в какой-то конторе, а я сдаю последние школьные экзамены и готовлюсь к новой жизни — на весенней допризывной комиссии я подал заявление в военное юридическое училище.

Влечение к юриспруденции я ощутил где-то в пятом классе. Я уединялся на чердаке и устраивал там всевозможные судебные процессы над всевозможными преступниками. Одних я оправдывал, других приговаривал к различным мерам наказания, а наиболее тяжких выводил за уборную, где и расстреливал.

За день иногда набегало так много расстрелов, что ночью было страшно выйти по нужде.

Позже я стал разрабатывать юридические законы для космического пространства и разработал таковых уже довольно много.

Я хочу стать юристом государственного значения.

Как наша мелкая и мазутная Пиявка где-то впадает в море, так и жизнь моя скоро вольется в океан государственной жизни.

Мать рада моей мечте, всем объявляет, что скоро ее сын станет прокурором всей страны, однако от домашней работы не освобождает: приходится и огород поливать, и огурцы на рынок возить, и курятник чистить.

Брат же по дому делать ничего не хочет. Вечерами он либо в город уезжает, либо лежит на диване.

Он ухмыльнулся, когда узнал о моей мечте.

Посмотрим, брат!

Сдан последний школьный экзамен. Сдан отлично! Мне удалось увязать законы диалектики с Юриспруденцией и Космосом! Меня поздравили! Мне сказали, что меня ожидает блестящее будущее!

И грустно, что школа уже позади, и радостно, что впереди — Новая жизнь...

Жара, пыль, мухи. Завтра — выпускной бал. Подготовка. Тренировался на чердаке танцевать и произносить речи. Волнение.

Мясо, колбаса, овощи, фрукты, конфеты, печенье, торты, ситро, вино, музыка, танцы — все было на бале. За столом мне удалось сесть рядом с Т., которая мне всегда нравилась и которой я намеревался в этот прощальный вечер объявить об этом. Сначала я чувствовал себя несколько скованно, но постепенно разошелся и стал говорить о Юриспруденции и Космосе. И я видел, что мои речи не остаются без внимания со стороны Т. Это возбуждало, и я заявил ей, что в моем юридическом будущем найдется место и для нее.

— Это — замечательно, это — прекрасно! — сказала она.

Голова кружилась. Я поднялся и предложил тост за любовь. Меня поддержали.

— За любовь! — воскликнул я, обращаясь к Т.

— За любовь! — ответила она.

Я был счастлив.

Но когда начались танцы, она ушла к Д. и весь вечер протанцевала с ним. Танцевали они слишком вольно, я бы сказал — похабно, и я решил покинуть это развратное пьяное общество, и пошел домой, но вернулся: а вдруг Т. уже не танцует с Д.? Но они продолжали танцевать, бесноваться, и я вторично покинул бал, и снова вернулся. Теперь я увидел их в коридоре. Они стояли в темном углу, тесно прижавшись друг к другу. Тогда я вошел в зал,

попросил микрофон и объявил, что у меня имеется для всех сюрприз, а именно: мой родственник работает завгаром, и я договорился с ним относительно автобуса, который сейчас подойдет к школе и на котором мы имеем возможность отправиться в заповедник Чистые Ключи, где и встретим свой первый рассвет Новой жизни.

Все закричали «ура!» и бросились ка́чать меня, и чем выше я взлетал, тем страшнее становилось мне, так как никакой договоренности относительно автобуса у меня не было.

Мне стало плохо, я стал блевать и очнулся уже днем, в школьном туалете, среди мух, нечистот и жары...

Ладно, не нужно об этом. Все это ерунда по сравнению с тем величественным и грандиозным, которое ожидает меня в будущем!

Но и они хороши! Бросили одного в туалете!

Разработка закона об уголовной ответственности за оставление блюющего в туалете в условиях Космоса.

Ничего, все они когда-нибудь выйдут встречать меня с цветами, флажками и моими портретами.

Жара, пыль, мухи.

Работа по дому и подготовка к экзаменам в военное юридическое училище.

Нужно интенсивно готовиться к Новой жизни. Нужно срочно овладеть благородными манерами и речью. Нужно научиться правильно сидеть за столом и красиво принимать пищу. В экстренном порядке нужно избавиться от произношения глухого украинского «г». Избегать просторечия и грубых слов. В Новую жизнь нужно войти максимально благородным человеком.

Позвольте, пожалуйста, будьте добры, не желаете ли, не угодно ли вам, не стоит благодарности, собственно говоря, в соответствии с вышесказанным, красной нитью, кворум, во избежание эксцессов, прекрасно, замечательно, до встречи, Галоши, Галька, Галоп, лГун, лаГуна, боГ, Гранит...

Жара, пыль, мухи.

Чистка курятника. Вонь, перья, пух, помет, вши. Мать проверяет, чтобы не осталось ни одной соринки. Она стремится содержать курятник в более чистом виде, нежели дом.

Ничего! Когда-нибудь скажут: он был не только выдающимся государственным деятелем, но и не гнушался чистить курятник.

Земля лопается, огород горит. Поливка огорода утром, вечером, ночью. На улицу почти не выхожу. С одноклассниками стараюсь не встречаться.

Стоял у калитки, наблюдал закат солнца за бройлерной фабрикой. Вдруг увидел: по улице идет Т. Присел за калитку.

Ничего! Когда-нибудь я буду окружен самыми красивыми и умными женщинами!

Раннее утро, мешок с огурцами, автобус, рынок.

Битва матери в автобусе и на рынке за лучшее место.

Брат ночью пришел с какой-то женщиной. Они сидели под навесом, пили вино, курили.

Спал плохо.

Вечером пошел к Р. и В., с которыми когда-то поддерживал дружественные отношения. Они уже закончили свои ПТУ и работают сейчас слесарями на металлурги-

ческом заводе. Ребята они, возможно, не очень глубокие, но спокойные и с поселковыми хулиганами связей не имеют.

Они сидели на лавочке у дома Р. Приняли они меня вполне хорошо, спросили, правда ли то, что я хочу стать прокурором, на что я ответил, что определение «прокурор» слишком узко, а я готовлюсь к более широкой и глубокой юридической деятельности, связанной с Космосом.

Они говорили о рукавицах, которых им не выдают на работе и без которых нельзя работать. Я посоветовал им по поводу рукавиц обратиться в обком или в ЦК. Вечер прошел в обстановке дружбы и взаимопонимания.

Ничего, Р. и В., не грустите! Когда-нибудь я назначу вас директорами крупнейших заводов!

Мать и соседка у забора обсуждают поселковые новости. Я поливаю огород, слышу их разговор и думаю: неужели окружающая жизнь состоит только из негативного? Неужели им не скучно говорить лишь о негативном? А где позитивное? Где высшие устремления? Где, в конце концов, поэзия жизни? Что вам нужно, товарищи? Вам хочется колбасы — пожалуйста, она у нас есть! Вам хочется культуры? Идите в библиотеки, в кинотеатры, в клубы! Вам хочется самим делать культуру? Пожалуйста — записывайтесь в кружки, рисуйте, вышивайте, выжигайте, лепите, сочиняйте, пойте, танцуйте! Вам не нравятся недостатки? Боритесь! Вам хочется в другие города и страны...

— Мне ничего не хочется! — отвечает мать. — Мне хочется, чтобы завтра пошел дождь и чтобы куры неслись хорошо!

Вот вам и вся философия! И многие люди нашего поселка подвержены этой философии: только мое, только мой огород и мои куры!

А страна? А мир? А Космос?

Жара, пыль, мухи.

Тайком от матери ел в сарае прошлогоднее варенье, доставая его из трехлитровой банки куском картона. Вдруг вошел брат.

— Жрешь, юрист? — усмехнулся он.

А в чем, собственно, дело? Почему он так? Разве будущий юрист не имеет права любить варенье?

М. дали срок за хищение оцинкованных труб.

Разработка закона об уголовной ответственности за хищение оцинкованных труб в условиях Космоса.

Р. и В. продолжают говорить о рукавицах.

Нужно иметь идеалы, мечту, и тогда вопрос рукавиц не будет главным вопросом жизни.

Чистка курятника.

Проклятые куры! Недавно чистил — и снова нагадили!

Избегать грубых слов и эмоций. Видеть прекрасное.

Битва матери на рынке в очереди за весами.

Драка у пивного ларька. Кого-то били ногами.

Я приеду сюда инкогнито, в загримированном виде, пойду к пивному ларьку, возьму кружку пива и сяду прямо на землю. Кто-нибудь обязательно ко мне привяжется, станет называть меня ослом, вонючкой, гнидой, пидером, станет плевать и мочиться в мое пиво, и тогда я выну именной пистолет, инкрустированный золотом и драгоценными камнями.

Проклятый огород! Чем больше его поливаешь, тем больше он сохнет!

Избегать грубых слов и эмоций. Видеть прекрасное.

Брат и какая-то красивая женщина. Где он их берет? Почему он не женится?

Прогулка по берегу Пиявки. Когда-то в ней купался весь наш Шлаковый, когда-то здесь Р., В. и я устраивали свои ВЛОИ — Всемирные Летние Олимпийские Игры: кто быстрее разденется и прыгнет в воду, кто дольше просидит под водой, кто дальше плюнет и т. д. — теперь же здесь совсем безлюдно, шелестят ржавые камыши, по воде плывут мазутные пятна... Зной, тишина, пустота...

Когда я стану человеком государственной важности, я сделаю Пиявку чистой, глубокой, полноводной. Я одену ее в гранит и мрамор. Я соединю ее с крупнейшими портами страны и мира.

Жара, пыль, мухи.

Мать никогда не жарит и не варит яйца — все на рынок, все на продажу.

Приходится тайком пить яйца в курятнике.

Не фиксировать свои мысли на таких мелочах. Стараться думать о высоком, значительном, благородном. Стремиться к прекрасному.

Посетил городскую художественную выставку: портреты героев труда, домны, мартены, прокатные станы. Оставил в журнале благодарственную запись.

Ходил в магазин за хлебом и сахаром. Был подвергнут нападению со стороны хулиганов. Домой прибыл без хлеба, сахара и денег, в грязном виде.

Судебный процесс над поселковыми хулиганами. Расстрел наиболее злостных за уборной.

Утром вышел по нужде и обнаружил нашу уборную лежащей набоку. В чем дело? Может быть, ночью был ветер?

Брат отказывается помогать мне восстанавливать уборную.

— Ты за нею производишь свои казни — вот и ставь ее, — ответил он.

Вонь и черви уборной.

Подготовка к экзаменам, разработка новых законов, борьба с глухим «г», работа в огороде, рынок.

Р. и В. говорят уже не о рукавицах, а о том, что нужно изготовить кастеты из алюминия, эбонита или текстолита.

Опасные устремления!

Их образ жизни является следствием отсутствия высокой цели и благородной мечты.

Нужно ставить перед собой максимально высокие цели и добиваться их.

Куда-то пропала одна из наших кур.

Попытка установить местонахождение курицы методом дедукции.

— Херукции! — закричала мать. — Иди искать!

Ходил на пустырь, в известковый карьер, в овраг, на свалку — безрезультатно.

Попытка допроса соседа Б. по вопросу пропавшей курицы кончилась неприятным эксцессом: сосед Б. ударил меня ногой в заднее место.

Разработка закона об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний в условиях Космоса.

Разработка закона об уголовной ответственности за удар ногой в заднее место в условиях Космоса.

Судебный процесс над Б. Приговор: два года исправительных работ на рудниках Урана.

Мать сидит на лавочке под навесом и причитает по поводу пропавшей курицы:

— Ты ж моя хорошая! Да зачем же ты ушла? Да что ж тебе не жилось у меня? Да разве ж я тебя когда-нибудь обижала? Да разве ж я когда-нибудь выщипывала твои перья? Да ты ж у меня самая умная! Да ты ж у меня была самая спокойная! Да ты ж у меня была самая несучая! Да на кого ж ты меня покинула? Да где ж ты теперь лежишь? Да где ж ты закрыла свои глазки? Да что же теперь я без тебя буду делать?

Жара, пыль, мухи. Р. и В. говорят о кастетах. Огурцы кончаются, но зреют помидоры. Земля лопается. Вода бесследно исчезает в трещине. Растет гора куриного помета. За столом сидеть ровно, не расставляя рук. Говорить четко и властно. Уборка угольного сарая. Пыль, паутина. Сарай граничит с соседским двором. В щель видны ноги соседки. Она стирает. Платье высоко задралось. Дрожь. Отойти от щели. Не смотреть в щель. Щель отвлекает от высоких мыслей и чувств. Бороться с влечением к щели. Бороться с низкими чувствами и побуждениями. Бороться и побеждать. Бороться, побеждать и снова оказываться у щели.

Был застигнут матерью у щели. Шум, скандал. Брат хохотал. Посмотрим, брат.

Вторую неделю дует восточный ветер. Все горит, дрожит, плавится. В раскаленном воздухе сверкает пыль. Брат за обедом сказал, что в нашем городе началось строительство еще одной доменной печи — крупнейшей в Европе. Он сказал, что скоро нас здесь совсем удушат. Я ответил, что нельзя быть пессимистом, что в ближайшем будущем все заводские трубы буду оснащены самыми эффективными фильтрами. Он ответил нецензурным словом. Я сказал, что его ответ есть следствие грубости характера и отсутствия позитивного начала. Он плеснул мне в лицо борщом.

Полагаю, что он не прав. И дело тут вовсе не в борще, хотя и данный факт можно инкриминировать, а дело в другом, более существенном,— дело тут в отсутствии какого-либо позитивного начала, а это уже гораздо более существенно, нежели борщ.

Разработка закона, предупреждающего выход в Космос без наличия позитивного начала.

Разработка закона об ответственности за выплескивание борща в лицо в условиях Космоса.

Р. и В. приступили к изготовлению кастетов из эбонита.

Не думать об этом.

Посетил городской театр. Посмотрел пьесу о сталеварах. Хотел высказать артистам и режиссеру благодарность и некоторые замечания, но запутался за кулисами, оказался в каком-то захламленном подвале, откуда был изгнан каким-то грубым мужиком.

Разработка закона об административной ответственности за грубость за кулисами в условиях Космоса.

Проклятые куры! Недавно чистил — и снова нагадили! Сволочи! Паскуды!

Следить за собой. Не допускать положения грубости и вульгарности.

Группа поселковых изнасиловала дежурную насосной станции.

Разработка закона об уголовной ответственности за изнасилование в условиях Космоса с десятью годами каторжных работ на рудниках Венеры.

Р. и В. просверлили отверстия в эбоните.

Жара, пыль, мухи. Закат солнца за бройлерной фабрикой. Ночные фиалки, луна. Разработка проекта тюрьмы на Луне.

Драка на пустыре.

Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях. Спиральное развитие общества. К вопросу о костюме, в частности о пиджаке. Оказывается, что без пиджака никуда не следует ходить — за исключением спортивного вояжа. В гостях у близких друзей можно попросить разрешения снять пиджак, на иных приемах ждем случая, чтобы это предложил сам хозяин. К костюму необходим галстук. В официальной обстановке пиджак застегнут. В застегнутом пиджаке входим в квартиру к знакомым, в ресторан (особенно в обществе женщины), в кабинет на совещание, в зрительный зал театра. Также пиджак должен быть застегнут, если мы сидим в президиуме за столом или же выступаем с докладом...

Разговор с матерью по поводу моего костюма, из которого я давно уже вырос — и морально, и физически.

— Денег нет на костюмы. Тебе скоро государство даст хороший костюм, — ответила она.

Р. и В. приступили к шлифовке кастетов.

Посетил бесплатный концерт симфонической музыки, который состоялся в парке. Зрителей было меньше, чем музыкантов, а к концу я остался один, так как будущий юрист государственного значения должен быть гармонически развитой личностью.

После концерта я подошел к музыкантам и выразил им свою благодарность.

— Ну что вы?! — воскликнул дирижер. — Это мы вас должны благодарить, это мы вам благодарны!

Он поклонился мне, а музыканты зааплодировали, и я ощутил головокружение, и в приподнятом духе отправился домой, и забыл об опасности нахождения на задней площадке нашего автобуса, и был подвергнут хулиганским выходкам в виде пинков и плевков. Прибыв домой, я сразу же был подключен матерью к ночной поливке огорода.

Жара, пыль, мухи.
Р. и В. шлифуют кастеты.
Н. дали срок за хищение сметаны.

Ссора матери с соседкой через забор. Мать обвиняет соседку в том, что та специально задирает платье, чтобы развращать ее сына, то есть меня. Не слышать ссоры. Не слышать этих слов. Продолжать интенсивно готовиться к новой жизни. Продолжать выдавливать украинизмы, просторечие и вульгарность. Нужно учиться красиво ходить. Нужно учиться красиво стоять. Нужно учиться красиво сидеть.

Взял под клеенкой деньги, поехал в город, посетил фильм о буднях уголовного розыска, посетил кафетерий «Буревестник», где выпил стакан яблочного сока и съел два пирожка с горохом.

Мать обнаружила пропажу денег, подняла шум. Хотел признаться, но она была в таком страшном состоянии, что я отказался. Она спросила у брата.

— Отстань от меня со своими вонючими деньгами! В нашем доме есть юрист — вот и поручи ему расследование! — ответил он.

Следствие, допросы и судебный процесс над собой на чердаке.

Вывел себя за уборную, но в последний момент подал на кассацию и был помилован с заменой расстрела пятнадцатью годами особого режима. Из заключения бежал, скрывался в тайге — в помидорах, затем в горах — за куриным пометом. Был амнистирован за давностью лет.

Жара, пыль, мухи. Мать и соседка обсуждают поселковые новости. Говорят они о Г., который вчера своими «Жигулями» сбил на дороге старуху Яцучку.

— За Яцучку ему много не дадут, — говорит мать.

— Ему вообще ничего не дадут. Не первый раз. Откупится, — отвечает соседка.

Я поливаю огород, слышу их разговор и думаю: что значит «много не дадут», что значит «откупится»?

Какая же все-таки у них юридическая безграмотность и наивность! Какое обывательское представление о Законе!

Жара не спадает, суховей все выжигает, пыль блестит и сверкает.

Брат за обедом сказал, что на одной из доменных печей лопнула броня, жидкий чугун вырвался из печи, есть жертвы.

Я спросил, откуда у него такие сведения — ведь ни в

газете, ни по радио сообщений по этому поводу не было.
Он плеснул мне супом в лицо.

Вечером пошел к Р. и В. Они сидели на лавочке и шлифовали кастеты.

Решил поговорить с ними о чем-нибудь серьезном, значительном. Стал говорить о материи в ее философском значении.

— Пошел на ... — сказал В.

Пошел от них с мыслью никогда больше к ним не ходить. Вышел к обрыву. Багровая луна выползала из заводского дыма. Как ты, луна, всегда выползаешь к нам из заводского дыма, так и я скоро выползу из Шлакового, подумал я. Внизу, освещенная луной и заревом сливаемого доменного шлака, среди густых камышей и больных верб, петляла наша Пиявка. Как ты, петляющая среди больных верб и густых камышей, отравленная и мазутная, где-то впадаешь в море, так и жизнь моя скоро вольется в океан государственной жизни, подумал я. Как ты, луна, выползаешь, чтобы осветить тьму карьера, так и мой свет скоро осветит мрак и тьму жизни...

Собственно говоря, птицу нужно есть с помощью ножа и вилки, а апельсины и мандарины никогда не чистим спиралеобразно, что же до персиков, так сначала разрезаем их на тарелке, затем удаляем косточку, затем снимаем кожицу — и все это с помощью ножа и вилки, но никак не руками!

Статья в газете о разоблачении ученого, оказавшегося шпионом.

Судебный процесс над шпионом на чердаке.

Расстрел за уборной.

Ночью вышел по нужде и вдруг услышал за уборной чей-то стон. Стало страшно, разбудил брата.

— А ты побольше суди и расстреливай — еще не то услышишь, — ответил он.

Жара, пыль, мухи. Мать после стирки старается вывесить свое нижнее белье, имеющее не очень благородный вид, на самом видном месте.

Н. у пивного ларька выбили глаз.

Позор американским агрессорам!
Позор израильской военщине!

Брат и какая-то красивая женщина. Где он их берет? И почему они соглашаются пить с ним дешевое вино под нашим ржавым навесом?

Что есть женщина? Как у них выглядит *это*? Как *оно* у них устроено?

Ночью приснилась женщина, у которой ниже живота была какая-то жаркая духовка с заслонками.

Не опускаться до низких, вульгарных снов. Бороться с подобными снами. Думать о благородном. Готовиться к благородной жизни.

Читал книгу и нашел в ней одну замечательную мысль: один видит в луже только лужу, а другой в луже видит отражение звезд.

Прекрасно! Замечательно!

Сказал об этом брату.

— Теперь ты вооружен и очень опасен, — ответил он.

Хорошо бы поменять свое несколько простое, примитивное имя на более значительное, благородное, например Эдуард, Роберт, Артур...

Внимание! Усвоить: коктейль пьется маленькими глотками, с перерывами. Виски — со льдом или газированной

водой. Вино отпивается из рюмки понемногу. Ликер— маленькими глотками. Коньяк тоже маленькими глотками, с перерывами. В это время рюмку можно держать в руке — коньяк любит тепло. Шампанское и другие муссирующие вина лучше пить сразу, но можно и понемногу.

Нашел в погребе самогон, выпил, блевал в уборной, за уборной и в курятнике.

Проклятые куры, проклятый огород!

Следить за собой. Не допускать положения грубости и вульгарности. Следить за осанкой, речью, взглядом. Продолжать выдавливать украинизмы.

Вечером не выдержал, пошел к Р. и В.

Они сидели на лавочке и шлифовали кастеты.

Посетил военкомат на предмет выяснения сроков получения вызова из военного юридического училища, имел некоторую грубоватость тона со стороны военкома.

— Жди! Придет! Некогда тут с тобой!

Некоторые моменты тоски и грусти.

Бороться с этим. Смотреть только вперед!

Посетил краеведческий музей. Оставил благодарственную запись.

Посетил окрестности поселка. Поднимался на холм за водокачкой и спускался в овраг за свалкой.

Думал о жизни.

Куда-то исчез брат. На работе тоже не знают, где он.

Где его искать, в каком конце города?

Ходил, искал — безрезультатно.

Мать ходила к участковому, и тот якобы ответил, что

никуда он не денется, придет, а не придет, так одной сволочью меньше.

Не мог он так ответить, не верю!

Брат появился утром, лег на диван, попросил воды. Я принес. Он медленно выпил, затем выблевал в кружку, протянул мне и спросил:

— Ты помнишь, как я шпынял тебя в детстве?

— Помню, — ответил я.

— Ты помнишь, как я подвешивал тебя над кипятком головой вниз?

— Помню.

— Ты помнишь, как я выпускал тебе газы в лицо?

— Помню.

— Ты помнишь, как я бил тебя ногой в жопу?

— Помню.

— Все помнишь, — сказал он. — Плохи мои дела.

— Почему?

— Ну как же! Ведь ты скоро станешь государственным человеком! А вдруг тебе захочется все то, что я делал с тобой, сделать со мной!

— Полагаю, что этого не будет, — ответил я. — Во-первых, моя жизнь будет до предела насыщена более важными делами и чувствами, во-вторых...

— Ладно, иди отсюда со своей вонючей кружкой, — сказал он и закрыл глаза.

Вечером не выдержал, пошел к Р. и В. Они уже закончили шлифовку кастетов и теперь бьют ими по дереву, отрабатывая удары.

Во время чистки курятника хотел выпить свежего яйца из гнезда и был застигнут матерью — шум, скандал.

Мать привезла две тонны угля. Ведрами в сарай. Брат от работы увильнул, исчез.

Кого-то били на пустыре, на закате солнца.
Пыль и кровь.

Жара, пыль, мухи. Огород, рынок, курятник, подготовка к экзаменам. Р. и В. бьют кастетами по дереву, отрабатывают удары.

Чем-то отравился, что в нашем доме немудрено: мать принуждает есть даже то, что уже явно прокисло. Вот станешь большим человеком, тогда и будешь кушать все свеженькое, отвечает она.

Расстройство, понос.

Избегать грубых определений. Не понос, а расстройство живота.

Расстройство продолжается. Это плохо. Это отвлекает от высоких мыслей и чувств.

Посетил парк, где выступали наши городские поэты. Из-за поноса не дослушал.

Не понос, а расстройство.

Мать сварила какой-то отвар. Пил. Легче.

Сообщение в центральной газете о новом рекорде сталевара Г.

А ведь Г. живет в нашем поселке!

Сказал об этом брату.

Стихотворение поэта Ж. в нашей местной газете, посвященное новому рекорду сталевара Г.

А ведь поэт Ж. живет в нашем поселке!

Сказал об этом брату.

— Пошел на ... — ответил брат.

Проклятые куры! Проклятый огород! Проклятый рынок!

Когда же придет вызов?!

Р. и В. продолжают отрабатывать удары кастетами по дереву.

Брат за ужином злословил по адресу нашей юриспруденции, называл ее юридистикой.

Я не выдержал его злопыхательства и покинул кухню.

Он хохотал мне в спину.

Посмотрим, брат.

Сидел за разработкой закона об уголовной ответственности за дачу ложных показаний в условиях Космоса.

Вошел брат.

— Дай сюда! — сказал он.

Я протянул ему листок с законом. Он прочитал, усмехнулся, спросил:

— Хочешь, познакомлю тебя с хорошей девушкой?

Мне хотелось сказать «да», но я ответил, что знакомство с девушкой в данный момент не представляется возможным в связи с моей подготовкой к экзаменам в военно-юридическое училище.

— Вонючка, — усмехнулся он.

Жара продолжается, куры гадят, огород горит. Р. и В. бьют кастетами по дереву.

Решил сделать новый ящик для кухонного стола. Это будет уникальный ящик, без единого гвоздя, исключительно на шипах, с орнаментом, с автоматическим выдвижением и музыкой при выдвижении. Это будет память обо мне. Когда-нибудь этот ящик будет выставлен в музее. Когда-нибудь скажут: он был не только выдающимся государственным деятелем, но и мог делать вот такие ящики.

Старый ящик разбил, а новый не получился. Не совпали шипы и гнезда типа «ласточкин хвост» боковых стенок. Возможно, ошибся в разметке.

После разработки закона об уголовной ответственности за наркоманию в условиях Космоса подошел к зеркалу и произнес речь по случаю вручения Государственной премии за заслуги в области Права. После пышного банкета отправился в США, где разоблачал мафию, ел ананасы, пил шампанское, курил гашиш и заходил в публичные дома.

Вдруг увидел в зеркале брата.

— Все упражняешься? — усмехнулся он.

Ссора матери с соседкой кончилась тем, что соседка ударила мать ведром по голове. Мать пошла к участковому, но тот, по ее словам, выслушать ее отказался, вел себя грубо и оскорбительно.

Думаю, что мать сгущает краски, преувеличивает. Впрочем, можно зайти, проверить и заодно поговорить о Юриспруденции в ее широком, философском смысле. Набросал тезисы, подготовился, пошел.

Удот сидел за столом, что-то читал и ел колбасу с хлебом, запивая чем-то из бутылки.

— Здравствуйте! Приятного аппетита! — сказал я.

— Нежевано летит, что нужно?

— Дело в некотором роде...

— Короче! — рявкнул он.

— Нет... ничего... приятного аппетита, — сказал я и выскочил из кабинета.

Не нужно обобщать. Удот — это еще не все Право и не вся Юриспруденция. Не думать об этом. Смотреть вперед.

Жара продолжается, куры гадят, огород горит, Р. и В. бьют кастетами по дереву.

Мать рано утром уехала в деревню на похороны и оставила на столе записку, в которой мне строго по графику предписано кормить кур и поливать огород. Слова

«куры» и «огород» написаны с большой буквы, а мое имя — с маленькой.

Вечером поливал огород. Брат пришел с какой-то красивой женщиной. Они расположились под навесом, стали пить вино. Брат подозвал, я подошел.

— Вот это мой младший брат, Нина, будущий юрист, законник, великий человек! И когда он станет великим, он сошлет нас с тобой за наши грехи на какую-нибудь безжизненную планету! — сказал брат.

— Он этого не позволит! — засмеялась женщина.

— Еще как позволит! Он готовится к этому!

— А я его сейчас поцелую, и он этого не позволит! — сказала женщина и вдруг поцеловала меня, отчего голова моя закружилась, а ноги задрожали.

— Плесни ему!— сказала она.

— На, выпей! — сказал брат, протягивая мне стакан с вином. — Выпей, может, это согреет твою юридическую душу, может, ты когда-нибудь пожалеешь нас.

Спал плохо, мысли путались, сердце стучало.

Нет, нет и еще раз — нет! Вам не удастся сбить меня с толку! Вам не удастся сбить меня с правильного пути! Вам не удастся затащить меня в трясину разврата и духовной пустоты! Сами погибаете, и меня погубить хотите?!

Подготовка к экзаменам. Подготовка к новой жизни. Речь, взгляд, осанка, борьба с глухим «г».

Посетил музей-квартиру выдающегося государственного деятеля Ж., именем которого назван наш город. Оставил благодарственную запись.

Р. и В. хотят с кастетами напасть на кого-нибудь. Попытки отговорить их от этого пока безрезультатны.

Они хотят сегодня ночью выйти на улицу с кастетами и напасть на кого-нибудь.

Я сказал, что их действия могут иметь эксцессы.

— Мент вонючий! — крикнул В. и ударил меня кастетом.

Головные боли.

Снова открылся понос.

Весьма тревожно.

Жара, пыль, мухи. Заводской дым. Огород поник. В бочке с протухшей водой медленно надуваются и лопаются зеленые пузыри. Сосед слева, недавно вышедший из заключения, роет в огороде какую-то яму. Сосед справа, дважды побывавший в заключении, бьет молотом по железу. В курятнике вскрикивают куры. Живот бурлит, голова болит.

Вечером пошел к обрыву. Луна освещала обрыв, Пиявку, сады пригородного совхоза. Как ты, луна, всегда выползаешь к нам из заводского дыма, так и я скоро выползу из Шлакового. Как ты, Пиявка, где-то впадаешь в море, так и моя жизнь скоро впадет в океан государственной жизни...

Вдруг кто-то сжал мою шею. Я вздрогнул, вскрикнул. Это был участковый Удот.

— Что здесь делаешь? — спросил он.

— Стою, — ответил я.

— Вижу, что не лежишь, а что ты здесь делаешь?

— Разве я не имею права?

— Имеешь, — сказал он, сжимая мою шею.

— Отпустите мою шею, ибо ваши действия могут иметь эксцессы, — сказал я.

От него разило спиртным.

— Шмакодявка, — сказал он и ударил в ухо. Я упал. Он стал бить ногами, я вырвался, побежал в поселок. Бежал, петлял, спотыкался, падал и снова бежал и

выбежал прямо на поселковых хулиганов. С криками: «Лови будущего прокурора!», «Бей будущего мента!» — они бросились за мной, и я побежал от них...

Люди! Помогите! Брат! Где ты? Спаси меня!

История майора Симинькова

(Маленькая повесть)

> **... Есть некая общая идея, которая придает порою всем этим собранным воедино суровым людям красоту подлинного величия — идея самоотречения.**
>
> ***Альфред де Виньи. «Неволя и величие солдата».***

История гвардейского офицера Николая Ивановича Симинькова, которую я сейчас намерен рассказать, в свое время вряд ли имела какой-либо резонанс в высших кругах кадровой элиты ракетных войск, однако сейчас, по прошествии лет, представляется мне весьма поучительной и печальной.

В середине шестидесятых годов в наш ракетный дивизион, в котором я в звании капитана командовал ротой минирования и заграждения, прибыл молодой, щеголеватый офицер Николай Иванович Симиньков. Прекрасно сшитый костюм, чемодан из натуральной кожи, серебряный портсигар с монограммой и эмблемой ракетных войск, папиросы «Герцеговина Флор», тонкий аромат дорогого одеколона, походка, речь — все выдавало в нем человека светского, в себе уверенного и незаурядного.

Теперь я позволю себе в нескольких словах обрисовать расположение нашего дивизиона и уклад его жизни.

Стояли мы в болотистых лесах, окруженных по периметру танталовыми нитями сигнальной системы, стальной паутиной ловушек и электрозаградительной сеткой, а квартировали с семьями в деревне Глыбоч, отстоявшей от дивизиона в сорока километрах.

Командиром дивизиона в ту пору был Федор Степанович Супрун, кадровый военный, прошедший нелегкий путь от старшины роты до полковника, человек весьма крутой и, как говорится, не без перегибов. Ему ничего не стоило без особой нужды в течение нескольких часов продержать дивизион под дождем и снегом, отдать приказ провести политзанятия в противогазах или унизить офицера при солдатах... Свои пробелы в техническом образовании — а техника у нас была не из простых — он компенсировал фанатическим рвением в вопросах порядка и дисциплины. Он, имея семью, мог неделями, месяцами не выезжать из расположения дивизиона, докапываясь до каждой мелочи. Впрочем, солдаты его, кажется, любили, да и он, помня, вероятно, с чего начинал сам, тоже по-своему любил их. А вот офицеров, особенно молодых, образованных и пытавшихся каким-то образом проявить независимость суждений и взглядов, он терпеть не мог и презрительно именовал «балеринами».

Итак, принимая во внимание некоторую однообразность нашей жизни и характер Супруна, мы не без оживления и любопытства явились в штаб на церемонию представления новенького, чей внешний облик и манеры без всякого сомнения подпадали под статью «балерины».

Деталей, к сожалению, я уже не помню, могу только сказать: первое испытание молодой Симиньков выдержал достойно. Ни один мускул его красивого лица не дрогнул в ответ на грубости и насмешки командира. «Щеголь, а крепок, — подумали мы, — но что-то дальше будет?»

А дальше, как и должно было ожидать, последовали

новые испытания. Молодой и неопытный офицер был назначен командиром самого неблагополучного во всех отношениях заправочного отделения пятой стартовой роты. Ход мысли п-ка Супруна был прост и понятен: посмотрим-ка теперь, балерина, твои антраша!

И теперь не было, наверное, такого дня, чтобы Супрун не заглянул в пятую роту и не покуражился над Симиньковым по поводу тех или иных недостатков, а было их там предостаточно. Командовал пятой ротой тогда к-н Виктор Петрович Наумчик, предававшийся чрезмерным возлияниям гидролизным спиртом и по сей причине не могший хоть как-то постоять за Симинькова.

Симиньков же своей невозмутимостью только подливал масла в огонь, и как-то за обедом, когда мы остались вдвоем, я посоветовал ему не злить старика и каким-нибудь образом смягчить его.

«Ву компрене, мон шер,— отвечал Николай Иванович, постукивая папиросой по крышке своего замечательного портсигара.— Моя твердыня — устав, а посему я не намерен потакать грубостям Супруна, препираться же с ним мне, поверьте, безмерно скучно... Супруны покидают сцену, а мы остаемся. Свой долг я вижу в служении Отечеству, а все остальное, право, не стоит и выеденного яйца, но се па, мон шер?»

Тут я должен пояснить, что Симиньков являлся выпускником одного из самых престижных закрытых военных заведений, питомцы которого получали блестящее образование и самые прекрасные виды на будущее, и мы, узнав об этом, были немало удивлены тому, что такой офицер получил назначение в наше захолустье. Слухи и догадки по этому поводу в нашем дивизионе ходили самые разные, но наиболее упорно муссировалась версия, что он сюда сослан — за масонство... Сам же Николай Иванович тайн своих никому не раскрывал, образ жизни вел обособленный и, казалось, ничего, кроме службы, знать не хотел.

Через какое-то время ему удалось вывести свое отделение из отстающих, на учениях его заметил сам «Черный кот» — командир дивизии г.-л. Бондаренко, и дальнейшее его восхождение шло уже по знаку свыше и вопреки воле и желанию Супруна.

Спустя полгода он был назначен заместителем командира пятой роты по технической части, а еще через год — он уже капитан и командир этой же роты вместо совсем спившегося и переведенного в хозяйственный взвод незадачливого Наумчика, и все это происходило, как я уже упоминал, через голову Супруна.

Супрун пребывал в ярости, но то была уже ярость бессилия — не мог же он перечить воле «Черного кота»... И тогда от выпадов прямых он перешел к выпадам косвенным, в которых тоже был мастак. Симиньков же по-прежнему держался хладнокровно, подчеркнуто строго придерживался буквы устава, вызывая наше восхищение и тем, что ни разу, никогда и ничем он не подчеркнул своего особого положения под светом генеральской звезды...

Наследство ему от Наумчика досталось не из легких, пятая рота отличалась и бесшабашным гусарством, и сибаритством, и тем не менее Николай Иванович за весьма короткий срок сумел ее не только приструнить, но и вывести в образцовые. Переходящий красный вымпел надолго прописался в его ленинской комнате, а сама эта комната при нем совершенно преобразилась и могла служить образцом высшего армейского дизайна, политической зрелости и почти домашнего уюта. Да и казарма со всеми ее каптерками, подсобками и прилегающей территорией — все сияло чистотой и порядком. А какие политзанятия проводил Николай Иванович! Всегда своими словами, без обычных наших шпаргалок, натуги и косноязычия — любо-дорого и посмотреть, и послушать, что мы и делали, напрашиваясь к нему в гости...

С солдатами он был неизменно приветлив, хотя за этой приветливостью, думаю, они не могли не ощутить некоторой холодности, свойственной его натуре, а посему они вряд ли его любили, а скорее всего побаивались. Вполне допускаю, что что-то их могло раздражать в этом типе командира и даже вызывать порой ненависть, как то же слово «голубчик», с которым он неизменно к ним обращался и за которым обыкновенно могли последовать разнос и наказание. Слово это, кстати сказать, самого Супруна очень злило и приводило в натуральное бешенство и часто служило причиной всевозможных разбирательств и даже апелляций к высшему командованию, остававшихся, впрочем, для Симинькова без каких-либо серьезных последствий...

Что же до прочего всего, то должен заметить, что герой наш был холост, наши дамы проявляли к нему любопытство, он же отвечал им дежурными любезностями, отнюдь не вступая с ними в те отношения, которые мы, офицеры, между собой называли «сучить дратву».

Помню, на юбилее полка, в концерте с участием наших дам, жена замполита Ткачевского подмигивала майору и замполиту...

Я уже, кажется, упоминал о том, что образ жизни Николай Иванович вел несколько обособленный, в обычных наших попойках не участвовал, анекдотов и сальностей избегал.

По утрам мы часто бывали помяты, хмуры и раздражены, тем более, что предстояла сорокаверстная тряска по разбитой, бог весть когда проложенной в наших лесах какими-то пленными дороге, он же всегда в одно и то же время бодро подходил к автобусу, легко в него вскакивал и, с улыбкой оглядывая наше пасмурное общество, неизменно спрашивал: «Кес кесе, други?»

Как-то раз, будучи на дежурстве и изрядно употребив с к-м Постоем, я перепутал двери в нашей офицерской гостинице и оказался в комнате Симинькова, который в ту неделю тоже нес дежурство. В комнате никого не было, и я, приняв ее за свою, уже приготовился было лечь и задать храповицкого, как вдруг случайно бросил свой взгляд на освещенный стол и тут же понял, что нахожусь в чужой комнате. На столе были портсигар с монограммой «СНИр», что означало «Симиньков Николай Иванович, ракетчик», гипсовая пепельница в форме черепа, изготовленная нашим дивизионным умельцем, солдатом срочной службы Прокатовым, и какая-то толстая книга, на обложке которой я, приблизившись к столу, прочитал — «Буонапарте». «Так вот оно в чем дело!»— быстро трезвея и ретируясь из чужой комнаты, подумал я...

И в комбатах Николай Иванович не засиделся, на учениях рота его показала необыкновенные слаженность и выучку, и когда условный противник был условно накрыт условной ядерной головкой, «Черный кот» ласково похлопал Симинькова по плечу, на котором вскоре и засияла майорская звезда, а вслед за тем он был назначен начальником штаба нашего дивизиона вместо вышедшего в отставку Виктора Митрофановича Коржука.

Мы уже не удивлялись столь стремительному продвижению молодого офицера, рисуя в своих фантазиях и более высокие сферы его возвышения, а наиболее дальновидные из нас уже давно искали с ним дружбы, даже льстили и заискивали перед ним, и только Супрун был мрачен, не без основания полагая, что следующим повышением Симинькова будет уже его, Супруна, командирское место.

. Понятно, что теперь он был вынужден отказаться даже от косвенных выпадов против Николая Ивановича, и только затаенные презрительно-враждебные взгляды

выдавали его чувства к молодому выдвиженцу и как бы говорили: еще посмотрим...

Симиньков же был с ним прост, естествен, называл его по имени-отчеству и, казалось, вовсе не помнил зла, хотя за всей его простотой все же угадывалась некоторая снисходительность к старику — Супрун это чувствовал и с каждым днем мрачнел все более...

И в новой должности Николай Иванович показал себя с лучшей стороны, и мы уже с каким-то нетерпением ожидали очередного его повышения, как вдруг случилось падение...

Произнося это слово и вкладывая в него некий общий смысл, я все же в первую очередь имею в виду действительное падение Симинькова на плацу во время торжественного марша и в присутствии высокого армейского начальства во главе с самим «Черным котом»— г.-л. Бондаренкой...

А дело было так. После трехдневных учений и предварительного подведения итогов, на котором мы были оценены весьма положительно, дивизион построился на плацу для смены боевого дежурства. Погода была скверная, из тяжелых облаков, ползших над осенним лесом, сыпались то дождь, то снег, то крупа, за три дня мы основательно измотались и были в ожидании тепла и вкусного офицерского обеда, за которым, учитывая наши старания, г.-л. Бондаренко мог неофициально позволить нам расслабиться рюмочкой-другой чего-нибудь согревающего. Да уже и сверхсрочник Бруй из хозяйственного взвода промелькнул на крыльце у столовой со своею заветной канистрой, что еще более укрепило и обнадежило нас. Тем временем церемония смены боевого дежурства шла своим обычным ходом: звучали команды, принимались доклады, под звуки гимна на мачту был медленно поднят флаг, после чего дивизион повернулся направо и под бравурный марш, побатарейно, одного линейного дистанции, рав-

нение налево пошел мимо трибуны, где среди своей свиты выделялся тяжелой папахой и прожигающим взглядом «Черный кот», а по левую руку от него, на некотором расстоянии, мрачно горбился наш Супрун...

А вел дивизион Николай Иванович Симиньков, и тут я должен сказать, что равных ему в фигуре, выправке и шаге не было не только в нашем дивизионе и полку, но, полагаю, и во всей дивизии. В его строевом шаге высшая армейская четкость удивительным образом сочеталась с аристократической легкостью и изяществом, это был шаг высшего класса, этот шаг мог бы украсить парад любого, самого высокого ранга, и было грустно сознавать и видеть, как этот шаг пропадает в нашем захолустье — так тяжело и грустно бывает увидеть на раскисшей от непогоды колхозной ниве среди изможденных баб в грязных сапогах и фуфайках какую-нибудь молодую деревенскую красавицу...

Однако вернемся к делу... Итак, печатая свой отменный шаг, Николай Иванович повел за собой дивизион, как вдруг у самой трибуны, уже приняв стойку равнения налево, он вдруг зашатался, взмахнул руками и рухнул на заднее свое место... Поскользнулся ли он, неожиданная ли судорога свела его члены, сказалась ли усталость трехдневных учений, вдохнул ли где случайно он паров ракетного топлива — бог его знает... тяжелый вздох прокатился по нашим рядам, г.-л. Бондаренко отвернулся, на мрачном же лице п-ка Супруна промелькнула злорадная усмешка...

Падение это, впрочем, произошло в считанные секунды, Николай Иванович тут же вскочил, поправился и пошел печатать свой шаг дальше, но именно с этого момента мы заметили в нем какой-то надлом...

А в тот злополучный день он был так расстроен, что даже не явился на обед с украинским борщом, отличными котлетами с картофельным пюре и неофициальной порцией спирта, закрепленной впоследствии

вишневой наливкой из личных запасов сверхсрочника Бруя...

А вечером того же дня, уже дома, в Глыбоче, открыв на звонок дверь, я с изумлением увидел его на пороге. Вид Николая Ивановича выражал крайнее смущение, в руках же он держал штоф «Столичной». Я засуетился, пригласил его в наш дом, просил быть непринужденным и извинялся за свой внешний вид, поскольку мы с женой как раз расположились у телевизора перед программой «Время» и находились в неглиже. Стол наш был тут же раздвинут и накрыт праздничной скатертью, появились закуски, милая моя Нина, понимая необычность визита, была особенно приветлива и внимательна. Через некоторое время, придя в себя и освоясь с ролью душеприказчика, назначенной мне Симиньковым, я, как мог, стал его успокаивать и утешать и даже напомнил ему его же слова, сказанные мне как-то в столовой, что главное — это служение Отечеству, а все остальное не стоит и выеденного яйца — так нужно ли хандрить из-за какой-то нелепой случайности, о которой все уже и забыли! А для примеру я рассказал ему, как еще до прибытия его в наш дивизион на одной из инспекторских проверок, утром, после ночного служения Бахусу, к-н Придыбайло не смог доложить проверяющему своей фамилии. «А ничего, служит ведь!— говорил я.— Поди и майора скоро получит!»

Я взял в руки гитару, моя Нина, раскидав по плечам свои пышные, вьющиеся волосы, спела для нас романс, не забывал я и рюмки наполнять, и анекдоты какие-то вспомнил — старался то есть как мог,— и постепенно наш Николай Иванович оживился, повеселел, хохотал, называл мою Нину Людмилой Зыкиной и даже танцевать хотел... Провожал я его уже глубокой ночью, шли в обнимку и громко пели что-то, кажется, из Высоцкого...

Событие, о котором я намерен теперь рассказать, произвело решительный поворот в судьбе Симинькова, и даже мы, дивизионное офицерство, не имевшие прямого касательства к этому делу, и то были потрясены и сделались как-то совершенно потерянными.

Случилось же вот что. Перед самой Октябрьской годовщиной Николай Иванович был вызван в штаб полка для получения бумаг особой важности. Утром с необходимой охраной выехал он в полк, к вечеру благополучно вернулся в дивизион, пакет с бумагами спрятал в сейф и опечатал его. Теперь уже трудно гадать, каким образом случилось, что на следующее утро, разбирая бумаги по описи, он обнаружил недостачу одной. По инструкции ему было положено о случившемся немедленно доложить в полк, но он этого не сделал, прекрасно понимая, что звонок этот уже сам по себе был бы приговором его судьбе. В те времена у нас в ракетных войсках на многое смотрели сквозь пальцы, многие грехи отпускались, и только одно каралось неукоснительно и беспощадно — нарушение режима секретности. Тут уже не миндальничали и давали на всю катушку. И вообще пятно такого рода считалось несмываемым и приравнивалось к потере офицерской чести. Кажется, легче было быть уличенным в пьянстве или даже воровстве — не скажу, что все это воспринималось как должное, но все же со временем забывалось, стиралось как-то,— нарушение же режима секретности делало офицера в глазах начальства и даже друзей-сослуживцев парией. Такому человеку и руку-то подать бывало уже непросто.

Легко поэтому понять растерянность и отчаяние Симинькова. Наверное, он бы застрелился, если бы не опасение тем самым еще более запятнать свое имя, саму память о нем, ибо наверняка в таком случае он был бы заподозрен не только в трусости, но, возможно, и в связях с иностранной разведкой.

Защитить свою честь, найти утерянную бумагу было теперь единственным смыслом жизни Симинькова. Он настолько потерял власть над собой, что в первый момент в кровь избил штабного писаря Ромашко, который, как ему показалось, имел касательство к пакету. Далее он поднял дивизион по тревоге, и весь день, разбившись по квадратам и не разгибая спин, обшаривали мы все углы и закоулки, рылись в прелых листьях, золе, мусоре и пищевых отходах, обращая внимание на каждую бумажку. И хотя было совершенно очевидно, что утерянной бумаги нам не найти, Симиньков упорствовал в безумии своем, вызывая ропот солдат и смущая даже нас, его доброжелателей.

К вечеру он обратил свои усилия на отхожее место и приказал подогнать к нему передвижную электростанцию, прожектора и насосную установку. Мы вскрыли бункер, опустили в него насосные рукава и стали откачивать и процеживать его содержимое. Симиньков лично проверял откачиваемую жижу на фильтровой сетке, перебирал и рассматривал под светом прожекторов каждую бумажку.

К полуночи, когда все мы буквально валились от усталости, он приказал подать к бункеру стрелу установщика 8-У 208, облачился в серебристый защитный костюм для ракетных учений, натянул противогаз и в люльке стрелы опустился на дно бункера, чтобы лично удостовериться в том, что все уже откачано и что злополучной бумаги там нет.

Вверху, освещая осенние леса, стояла луна, внизу, под ослепительным светом мощных прожекторов, бродил среди сочившихся зеленой жижей бетонных стен несчастный Симиньков. Он пытался еще подавать нам из бункера какие-то команды, но к нам долетали лишь жалобные звуки, стон и мычание. Вдруг остановился он, сорвал с себя противогаз и затравленно посмотрел по сторонам и вверх. В тот момент, помню, мне вдруг подумалось,

что бункер этот в случае атомной беды может послужить хорошим убежищем, но тут же, взглянув на Симинькова, я с отвращением отверг эту мысль. Мы поспешили поднять Николая Ивановича из бункера, омыли его в лучах прожекторов из брандспойтов и, уже совсем невменяемого, на руках отнесли в офицерскую гостиницу.

С ним приключилась горячка. Дней десять лежал он потом в нашей дивизионной санчасти под присмотром доброго нашего эскулапа Степы Пынзаря, большого охотника до женского полу и анекдотчика. Он и сюда, в санчасть, бог весть какими правдами и неправдами сумел пристроить свою пассию на должность санинструктора. Так и ходила она среди нас в туго натянутой юбке защитного цвета, поочередно назначая нас своими чичероне. Оба они, Степа, то бишь старший л-т Пынзарь, и красавица Любаша, выхаживали нашего Симинькова.

Между тем был он совсем плох, тосковал и все говорил, что следовало бы ему получше искать в бункере...

В те же дни получил я назначение в Н-скую часть и уехал, не дождавшись конца печального этого события. А оттуда, в звании уже майора, вышел я в отставку и навсегда уехал в приморский городишко Н-к. О Симинькове я долгие годы ничего не слышал и даже стал забывать его за повседневными заботами и семейными неурядицами своей новой, теперь уже штатской жизни.

А прошлым летом, будучи в столице и толкаясь в ГУМе в надежде купить жене простые чулки, вдруг наткнулся я на Любина, бывшего нашего дивизионного бильярдиста, поэта и вольнодумца. Он первым меня узнал, мы обнялись и прослезились.

— Ба, а помнишь ли Симинькова? — вдруг спросил он и рассказал конец этой истории.

После утери документа Симинькова не только не лишили свободы, но даже и не разжаловали, а лишь понизили в должности. В результате многодневного следствия

особистами штаба армии было установлено, что утеряна всего-то была инструкция к картофелечистке для солдатской столовой, и все же оставаться после этого в штабе полка ему было уже никак нельзя, и он вернулся в свою пятую роту комбатом, но это, по словам Любина, был уже совсем не тот Симиньков: и командирствовал он уже как-то вяло, и даже попивать и сквернословить стал, и от всего блестящего его прошлого горьким напоминанием оставался лишь знаменитый портсигар с эмблемой и монограммой...

При первой же возможности он подал в отставку, районное начальство предлагало ему возглавить в Глыбоче новый свинооткормочный комплекс, но он от предложения этого отказался наотрез и выехал навсегда.

— А не хочешь ли его посмотреть? — спросил Любин.

Я изумленно посмотрел на него.

— Да здесь он, в Москве, в «Сокольниках»! Тиром заведует! Потолстел, подобрел и рюмки не чурается. Зайдем, поговорим, пивка по-стариковски выпьем, былое вспомним?

Но я, сославшись на недомогание и нехватку времени, отклонил его настойчивое приглашение и быстро сменил тему разговора.

Содержание

Анатолий Николаевич Гаврилов

В ПРЕДДВЕРИИ НОВОЙ ЖИЗНИ

Заведующий редакцией *А. Бармасов*. Редакторы *Л. Беклешева, О. Серова*. Художник *В. Виноградов*. Художественный редактор *Ф. Барбышев*. Технический редактор *Л. Беседина*. Корректоры *Е. Коротаева, Ю. Черникова*.

ИБ № 4678

Сдано в набор 15.08.89. Подписано к печати 20.12.89. Л. 22689. Формат 70 × 108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,15. Усл. кр.-отт. 3,41. Уч.-изд. л. 2,99. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1623. Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Московский рабочий»,
101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

170000, г. Калинин, Студенческий пер., 28. Областная типография.

50 коп.

Анатолию Гаврилову 43 года. Родился в Мариуполе, а сейчас живет во Владимире. Закончил Литературный институт, первая публикация состоялась в 1989 году в журнале «Волга», затем в «Енисее» и в «Юности». Яркий, образный язык писателя, глубокое исследование современной жизни привлекли внимание читателей и литературной критики.